

КАТЕН
Анна

БЫВШИЙ МУЖ

Чужая кровь

18+

Ли́ла Катте́н

БЫВШИЙ муж. Чужая кровь

«Автор»

2026

Каттен Л.

Бывший муж. Чужая кровь / Л. Каттен — «Автор», 2026

— Это моя дочь, не так ли? — бывший муж смотрит на меня с презрением.
— Надеюсь, ты не разглядел в ней ничего схожего с собой, потому что она не твоя дочь, Елисей.— Похожа на тебя, — отвечает, отмахнувшись. — Подумаешь. Обычное дело.— Возможно. Но не в этот раз.— Тест покажет правду. И за эту правду тебе придется заплатить, Василиса.— Хорошо. Но чем заплатишь за эту «правду» ты?__Прошло почти пять лет с тех пор, как мы виделись в последний раз на той обочине, где он меня оставил ночью.Пять долгих лет боли, хождения по мукам и наконец счастья.Подсознательно я знала, что встреча произойдет. Не хотела, но знала.Так и вышло.И теперь он хочет выяснить, его ли дочь я родила после нашего развода.Он сделал ДНК. Узнал правду. А потом за нее заплатил.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ли́ла Каттен

БЫВШИЙ муж. Чужая кровь

Внимание!

В тексте присутствует один эпизод сексуального насилия над главной героиней (не между героями) и последствия в виде психотравмы. Это не описывается детально, но суть ясна. Если для вас эта тема является болезненной, то лучше откажитесь от чтения данного произведения.

Глава 1

Василиса

Стоит сесть в машину – атмосфера напряжения и будущей ссоры заполняет пространство.

Весь этот вечер презентации выпуска нового модного журнала, со мной в качестве главной модели, муж был хмурым. И я бы сказала – злым.

Фото из разных рубрик распечатали в больших форматах. Мое было среди них. Раздавали шампанское и закуски.

Отличный вечер, и ни единого повода для злости я не видела.

На мои вопросы Елисей не отвечал, и я перестала их задавать, решив оставить на потом выяснение отношений. К нам подходили влиятельные люди из сферы моды, пожимали руки и благодарили за прекрасную работу. Спрашивали о занятости, намекая на то, что они не против сотрудничества с агентством, частью которого я являлась.

Моя мать следила за течением вечера. Запоминала лица, чтобы не пропустить звонки. Она создала это самое агентство и сделала меня его лицом. Я все еще надеялась, что это не потому, что я ее единственная дочь, а потому что у меня и правда был талант. Ну, и правильное лицо.

Ответив улыбкой и благодарностью на очередные слова восхищения, я почувствовала, как на мою талию легла рука мужа. Затем он приблизился к моему уху и прошепел:

– Долго еще?

– Родной, вечер в самом разгаре, – мой голос балансировал на грани.

– Благодарственная речь прозвучала полчаса назад, – не унимался он.

– Боже, – развернулась к нему и, положив руки на его плечи, с улыбкой сказала: – В чем дело, Лёсь? Ну же, это не первый вечер, на который ты меня сопровождаешь. Потерпи немного.

Он посмотрел на меня подавляющим и острым взглядом. Затем ответил сквозь зубы:

– Боюсь, он может стать последним.

Его глаза метнулись в сторону, и, обернувшись, я заметила моего партнера по очередной съемке – Романа. И тут до меня начало доходить.

– Что? Ты же...

– Тебе лучше пойти туда, – он кивнул и, чуть ли не сорвав мои руки с себя, отступил на полшага.

– Господи, не могу поверить, – прошептала я и ушла, с трудом изображая улыбку для общей фотографии.

Роман встал рядом, и фотографы сделали снимки с редакцией журнала, владельцем, другими моделями, а также авторами рубрик.

Все это время я чувствовала на себе недовольный взгляд мужа. Он нервировал, но в то же время заставлял злиться в ответ.

Как можно ревновать? Мы женаты три года. И до брака я была моделью. Господи, я ею стала в пятнадцать, и я являлась ей до сих пор. У меня были сотни фотосессий разных тематик. Я любила мужа всей душой и сердцем. Я думала, что он это знает. Так почему сейчас он так себя ведет? Тем более с Романом мы работаем в паре не впервые.

Да, слухи просачивались самые разные. Но если бы мы обращали внимание на каждое слово желтой газетенки, то потеряли бы нас.

Поблагодарив всех за приглашение, подписав парочку журналов вместе с остальными, я попрощалась с гостями вечеринки.

– Увидимся в понедельник, – помахала рукой главному директору и, ступив в объятия мужа, покинула выставочный зал редакции, который мы использовали для подобных вечеров.

Стоило выйти на улицу, Елисей тут же стянул галстук. Парковщик в тот момент подъехал на нашей машине и помог мне сесть, придерживая дверь.

– Спасибо, – поблагодарила его и пристегнулась.

Так мы и оказались в этом замкнутом пространстве, которое было удушающим.

– Так и будешь молчать? – спрашиваю его и получаю в ответ... ничего.

Лишь сжатые вокруг кожаной обивки руля пальцы.

– Ты правда не понимаешь, что это, твою мать, значит? – наконец прорычал муж.

– Просвети, пожалуйста.

Он смеется, но отнюдь не весело, а скорее зло. Я же выражаю спокойствие.

– Просвети! – усмехается он. – Весь интернет пестрит тем, что ты спишь со своим напoмаженным мажором Романом, черт бы его подрал, а ты сидишь и делаешь вид, что не понимаешь, да?

– Интернет может писать о чем угодно. Я не ответственна за информацию, которую искажают...

– Нет, ты ответственна за нее, Василиса, – кричит он и бьет по рулю ладонью. – Ты! Ты даешь проклятый повод выдумывать им. Скажи, ты хочешь, чтобы я поставил вопрос о твоей работе ребром?

– Ты не сделаешь этого, – тут же отвечаю.

– Но ты меня вынуждаешь. Ты моя жена, и у меня тоже есть чертова репутация. У твоего отца, матери. У моих родителей. Что мне в итоге приходится делать, знаешь?

– Нет, – отвечаю все так же спокойно. Елисей может злиться, но я знаю, что он эмоционален, не более того.

– Мне приходится сдерживаться, когда кто-то дает намеки на то, что моя жена – шлюха. А я с этим ничего не делаю, если мне в лицо тычут фотками тебя голой с мужиком в обнимку.

– Ложь! – кричу, не пытаясь сдерживаться. – Если ты пытаешься оправдываться за сплетни, ты делаешь гораздо хуже. Желтая пресса – это черная дыра. И чем больше ты пытаешься обернуть их гнусную ложь в правду, тем хуже все становится. И ты сам фактически подтверждаешь все это.

– Что за хрень ты несешь?

– Это не хрень, Елисей. Ты знаешь, что все в интернете – ложь. Ты. Это. Знаешь. Потому что знаешь меня, – пытаюсь воззвать его к голосу разума.

– Может быть. А может, стоит перестать участвовать в фотосессиях голой?

– Я не голая. Это реклама нового белья.

– Да. Мне. Похрен. Плевать, слышишь? Я видел эти проклятые фото, и они ничерта не о белье. Ты прижимаешься к его голой груди своей голой грудью, а твоя задница с ниткой, именуемой трусами, занимает полстраницы. Вот что видят другие, а не бренд белья.

– Ты не можешь говорить всерьез. Господи, поверить не могу, – чуть ли не хватаюсь за голову.

– А стоило бы. Потому что мне это нихрена не нравится, Василиса.

Он замолкает, и наш крик оседает, словно грязный туман, на все поверхности автомобиля и нас самих.

– Это моя работа, мое хобби и то, что я люблю, Елисей.

– Да! – тут же отзывается он, делая оглушающую паузу, прежде чем сказать следующие слова: – И ты прекращаешь этим заниматься.

– Что? – я не могу поверить в то, что он сказал. – Ты не...

Мой голос резко пропадает.

– Ты не можешь говорить...

– Нет, я это сказал. Только что. У меня достаточно денег, чтобы обеспечить тебе безбедную жизнь. Занимайся чем хочешь, но делай это в одежде, черт подери.

– Мне не нужны твои деньги, – поворачиваюсь и смотрю на него в упор. – Я зарабатываю наравне с тобой.

– Понадобятся, когда ты прекратишь заниматься этим дерьмом. Господи, мы уже говорили о детях в будущем. Да, тебе сейчас двадцать пять, но они появятся так или иначе. И тебе придется закончить с фотосессиями и показами все равно, а не в трусах носиться перед камерами.

– Беременность – это лишь на короткий срок. К тому же есть фотосессии с одеждой для беременных...

– Лучше замолчи, твою мать! – угрожающе твердит он, и с меня действительно хватит.

– Нет!

– Ты говоришь мне «нет»? – он отрывается от дороги и смотрит на меня пристально всего пару секунд, но так подавляюще, что становится не по себе.

– Я говорю тебе «нет». Я не брошу работу моделью. Ты мог сказать, чтобы я тщательнее выбирала, в каких фотосессиях участвовать, обсуждать их с тобой, но не...

– Я должен был сказать? – снова смеется, ударяя несколько раз по рулю. – Это еще что за хрень?

– Прекрати уже ругаться.

– А ты прекрати себя так вести. Ты заканчиваешь с этим, и у нас все прекрасно.

– Я уже дала свой ответ.

– Вот как? То есть мы подаем на развод?

– Ты не всерьез, – машу головой, все еще не веря в то, что он говорит. – Этот ультиматум абсурден, как и разговор. Тебе нужно остыть.

– Твою мать! – кричит он сильнее обычного, и я пугаюсь так, что мое тело содрогается от страха.

– Ты меня пугаешь. Прекрати.

– Хрена с два.

– Тогда останови, и я выйду.

– Серьезно?

– Да. Останови машину. Я возьму такси, и мы встретимся дома.

– Прекрасно, – усмехается он и сворачивает на обочину.

Я забираю сумочку и выхожу из машины. Хлопаю дверь, и муж тут же срывается с места.

Когда задние фары скрываются в темноте, я вдыхаю порцию кислорода, смешанную с пылью, которую он оставил после себя. И этот кислород выбивает из меня дух. Слезы катятся градом по лицу, уничтожая прекрасный макияж и этот вечер.

Я сажусь на корточки и выжимаю досуха душу, прежде чем встать на ноги и оглядеться, чтобы суметь назвать адрес такси.

Но я не понимаю, что это за место. Этот район мне не знаком. К тому же ночи сейчас темные, а фонари стоят слишком далеко друг от друга. Позади какие-то постройки, и я следую к ним, чтобы рассмотреть улицу.

Подойдя ближе, я обнаруживаю полустертую надпись: «Ком...аров» без номера, и открываю приложение. Вбиваю улицу, и GPS распознает мое примерное местонахождение.

Беру люкс, на ожидание которого потребуется всего пять минут, и, сунув телефон в сумочку, поднимаю голову к небу. Аккуратно стирая остатки слез, я незаметно для себя снова всхлипываю и принимаюсь плакать.

Не думала, что нам предстоит такой разговор.

Стерев в очередной раз слезы, проверяю время ожидания, которое всего на минуту продвинулось, и убираю телефон в сумочку.

Вглядываюсь в темноту улицы еще какое-то время. Затем улавливаю слабый свет изда-
лека и, обрадовавшись, делаю шаг вперед. Однако сзади меня резко хватают чьи-то сильные
руки. А попытка закричать проваливается, так как на голову обрушивается сильный удар, и я
больше не вижу никакого света, только темноту.

Глава 2

Елисей

Злость, ревность и даже боль разрывали меня изнутри, пока я вёл машину всё дальше от того места, где оставил жену.

Не могло идти речи о спокойствии или о том, что я смирюсь с тем, что произошло. Когда она сказала, что эта фотосессия была самой волнительной за долгие годы её карьеры, я ей поверил. Но я не знал, что речь шла о ней обнажённой перед другими людьми. На их площадках присутствует уйма людей. Не всегда женщины. Даже чёртов фотограф какой-то там Луи.

Нет! Я не планирую с этим мириться. У меня закипает кровь от того, что они видели. И мне не стоит думать о том, что она его касалась. Но картинки всплывают настолько красочные, что я с трудом сдерживаюсь.

– Господи! – бью по рулю и резко сворачиваю на обочину.

Ярость закрывает зрение плотной пеленой, которую я не могу смахнуть, чтобы наконец видеть ясно.

Я никогда раньше не был груб с Василисой и никогда не говорил о том, чтобы она прекратила заниматься модельным бизнесом.

Мне нравилось видеть её на обложках, плакаты по городу с её изображением.

Моя жена – просто красавица, и камера её любит. Мне даже было плевать, что самым частым партнёром по площадке с ней был этот засранец.

Я не ревновал, не обращал внимания на то, что раздувает пресса.

Верность Василисы была такой же твёрдой, как гранит.

И я не думал всерьёз, когда говорил, что верю в слухи. Но я был зол.

«Нужно вернуться», – пронеслось в голове, и я стал разворачиваться.

Я так сильно жал на педаль газа, что уехал слишком далеко. Обратный путь к тому месту, где Василиса, я уверен, всё ещё ждала меня, занял чуть больше времени, потому что я уже не гнал так быстро, а старался соблюдать скоростной режим.

Фары осветили то самое место рядом с кирпичным зданием, кажется, старой типографии, но там никого не оказалось.

– Чёрт! – проехавшее мимо меня такси, очевидно, было именно тем, которое она вызвала.

Снова повернув в сторону дома, я вырулил на дорогу и прибавил газ. Затем вытащил телефон и набрал её номер. Но она не ответила.

Наверное, стоило купить цветы по дороге, но я не хотел терять время и помчал домой. Нам нужно было поговорить и что-то решить.

Квартира, в которой мы жили, располагалась в лучшем районе города, который построили не так давно. Она была больше ста квадратов, и я на самом деле мог представить, как мы медленно заполняем пустые комнаты детьми, а тихое пространство – их звонким смехом.

Оставив машину на парковке, поднимаюсь на двадцать первый этаж. Ожидаю увидеть Василису внутри – в слезах или в ярости, неважно. Мы поговорим и всё обсудим. Но там тихо, словно нет никого.

– Милая? – иду первым делом в нашу комнату.

Ни звука. Проверяю гардеробную, оттуда – ванную: ни следа.

Заглядываю в каждую комнату квартиры, кухню и гостиную. С каждой секундой опасения, что её действительно нет здесь, нарастает.

– Чёрт.

Вытащив телефон, снова набираю её номер. По идее она должна была приехать первой.

Жена не отвечает снова.

«Милая, пожалуйста, ответь. И если ты поехала к родителям или своей сестре, просто скажи мне об этом, и мы поговорим завтра. Я не поеду сейчас за тобой, обещаю».

Отправив СМС, я вижу, что оно доставлено. Однако она не читает его. И когда я выхожу из душа, галочки всё ещё серые.

С сомнением посмотрев на номер тестя, всё же звоню ему.

Когда он поднимает трубку, на фоне слышится музыка и громкие голоса. Разумно, ведь моя тёща – королева этой модной тусовки.

– Елисей?

– Доброй ночи, Ефим Сергеевич. Извините, что отвлекаю, Василиса не у вас?

– О, мы не дома с Мариной. После редакции поехали на другой приём, менее официальный. Но у дочери есть ключи. Что-то случилось? – его голос, как всегда, собранный. Очень похож на голос моего отца.

Оба – бизнесмены с репутацией и холодной сдержанностью. И если отцы похожи, то наши мамы с Василисой очень разные. Моя – домохозяйка, которая любит возиться в саду и печь печенье на любые праздники, часто помогает в волонтерском центре. Виктория Викторовна – мягкая и негромкоголосая, постоянно улыбается и любит, казалось бы, весь мир. Марина Робертовна, моя тёща, напротив, – бизнесвумен и такая же холодная, как её муж. Эта женщина улыбается в камеру всегда. Без объективов увидеть улыбку моей тёщи может только тот, кто её достоин или просто тот в ком она нуждается для дела.

– Мы поссорились, и я приехал домой, но её здесь нет, – отвечаю тестю. – Подумал, что она могла отправиться к вам.

– Значит, она действительно поехала к нам. Не волнуйся. Ты же её знаешь. А если не у нас, то у своей сестры.

Я действительно догадывался, что она именно так и поступит. Порой моя жена так делает: не поднимает трубку, обижается и ночует у сестры или в доме своих родителей, а потом быстро соглашается на перемирие.

– Но мой тебе совет: не трогай женщину, пока она в гневе, – хмыкнув, продолжает тесть. – Пусть успокоится. Пожалуется Анастасии и завтра обо всём забудет.

– Вы правы. Так я и поступлю. Но, когда приедете домой, проверьте её, пожалуйста. До свидания.

– Конечно. Давай.

Опустив телефон, я вздыхаю и иду к бару. Но смотреть на алкоголь тошно. И работать не хочу, голова забита не делами, а мыслями. Поэтому отказываюсь от всего лишнего и опускаюсь на диван. Включаю телевизор и смотрю его, пока меня не вырубают, отметив перед этим, что мои сообщения были всё ещё не прочитаны. Как и последнее, в котором я написал, что люблю её.

Подпрыгнув ранним утром от беспокойного сна, упал с дивана. Затем ощутил, что болит голова. Боль была такой сильной, что я с трудом смог открыть глаза.

Всю ночь снилась какая-то чертовщина.

Прикрывая лицо ладонью, беру телефон. Открываю сообщения.

– Не прочла, – констатирую увиденные серые галочки.

Ни пропущенных, ни других уведомлений.

Прикладываю телефон к уху и слышу гудки. Знаю, что сейчас едва ли семь утра наступило, но я хочу поехать за ней, а для этого понять, куда именно мне выезжать – к родителям жены или к сестре.

– Ну же, милая, – суетливо постукиваю ногой по полу, пока длинные гудки не прекращаются короткими. – Не надо так, подними трубку, – болтаю сам с собой и набираю снова.

Ничего.

Открываю чат с тестем и вижу, что он в сети буквально десять минут назад.

«Вряд ли он успел уснуть снова за десять минут», – размышляю и звоню уже ему. Но и он мне не отвечает.

Найдя чат с Настей – сестрой Василисы, понимаю, что в это субботнее утро все проснулись слишком рано.

«Была в 6:45».

Набираю ей. Та же картина.

Не раздумывая, я умываюсь, беру ключи и еду к родителям Василисы, всё ещё пытаюсь до неё дозвониться. До неё, до тестя, тёщи, Насти.

Они все недавно были онлайн, но не отвечают. Было бы наплевать, но моя жена тоже молчит, и это пугает.

По позвоночнику спускается ледяной поток. Руки и лоб потеют. Становится внезапно жарко, но пот холодный.

Город не до конца проснулся, поэтому я с удачей на своей стороне приезжаю за двадцать минут. Ворота заперты. Внутрь не попасть.

Я жму на звонок. Камера над воротами улавливает меня автоматически. Но ничего не происходит.

– Да чтоб вас! Какого чёрта?

Забор слишком высокий. Но за толстыми прутьями ворот я вижу немного двора. Он пуст. Ни машин, ни кого-то из людей нет. Очевидно, их тут не было.

Была ли Василиса здесь ночью? Если да, то выходит, именно она не открывает мне сейчас.

«Либо её тут попросту нет».

Быстро сажусь в машину и еду к Насте.

Она, как и мы, живёт в квартире, но в другом районе. Далековато от нас с женой, но это не мешает им с Василисой видеться так часто, как позволяет время. Они очень близки. На эту дорогу уходит полчаса. Но там мне никто не открывает. На самом деле за дверью не слышно никакого шума. Василиса бы открыла. Я в этом уверен.

Выйдя на улицу, я звоню отцу.

– Сын? Почему так рано звонишь в выходной?

– Привет, пап. Василиса к вам не приезжала, не звонила?

– Нет. Поссорились?

– Да. Вчера вечером. И она не отвечает до сих пор. Думал, ночевала у родителей или сестры, но мне никто из них не открыл, а на звонки не отвечают.

– Хм, ты что, изменил жене?

– Что? Конечно, нет.

– Тогда я не вижу причины отказывать тебе в разговоре. Что натворил?

– Отец, я жену не могу найти, какая разница, что случилось? Ты можешь позвонить Ефиму Сергеевичу. Может, она и попросила их не отвечать мне, но тебе-то он ответит.

– Ладно, сейчас.

Пять минут спустя он перезванивает с тем же ответом.

– Я поеду в полицию.

– Ещё чего! Накосячил перед женой, теперь хочешь, чтобы полиция вмешалась? Сын, не неси чушь.

– А если с ней что-то случилось?

– Что с ней случится, если она с родителями?

– Я не знаю, с ними она или нет, понимаешь?

– Так... – он зевает. – Давай к нам езжай, пока не натворил дел.

Спорить я не планировал, потому что паника становилась всё сильнее. И пока я ехал к родителям, я не переставая звонил жене, снова и снова получая тот же ответ.

Глава 3

Мама поставила передо мной чашку чая и села справа. Она была обеспокоена, а в глазах отчего-то блеснули слезы, которые пролить ей, скорее всего, не позволяла мысль, что лучше держать себя в руках, пока ответов мы не получили. Отец все это время что-то задумчиво рассматривал в своем телефоне и периодически печатал. Не имею понятия, с кем он держал связь в этот напряженный момент. По крайней мере, он позвал меня сюда, и я надеялся, что он ищет те самые ответы.

– Сынок, из-за чего поссорились-то? – мама говорит тихо, чтобы не отвлекать на себя внимание отца.

– Из-за ее фотографий, – закрываю лицо рукой, надавливая на закрытые глаза пальцами.

Сейчас все кажется таким бессмысленным. Я бы не стал ставить ультиматум, говорить те слова. Нервный узел все сильнее стянул нутро, когда я продолжил.

– Стали кричать друг на друга, сильнее заводится. Слово за слово. Она потребовала остановить машину. Захотела доехать на такси, чтобы мы оба остыли, а дома поговорить...

– Елисей, – на вдохе сказала она испуганно, не желая верить в произошедшее и страхась задать следующий вопрос. – Но ты же не...

– Я ужасно злился и ревновал, мама. Остановился и рванул вперед, как только она закрыла дверь машины, – очередной вздох. – Но я вернулся. И мимо проехало такси, понимаешь? Она вызвала его и села.

– Нужно выяснить, какая организация это была.

– Да что вы устроили тут детективные будни? – голос отца захохотал и прервал наш разговор.

Мы с мамой повернули к нему головы.

– Ждать надо, когда обижаться перестанет. Завтра в офис поеду к Ефиму и поговорю, раз он пошел на поводу у дочери. А она тоже хороша, взбаламутила всех. В обиды играет, и всех за собой. Чёрте что устроили.

Психанув, он выходит с кухни.

– Может, Володя прав?

– Мам... – пытаюсь отогнать страшные мысли, но в то же время не нагонять жути, ведь все может быть гораздо проще и отец в действительности окажется прав. – Ты предлагаешь мне отправиться домой и провести этот день на диване?

– Нет. Но... даже в полицию пойти не будет иметь смысла.

– Она ночью уехала на такси. И не вернулась домой. Это не повод для поисков женщины?

– Но ее родители и сестра так же молчат. Не может быть такого внезапного совпадения, понимаешь?

– Понимаю, – признаю, опустив голову.

Вот только внутри ничто не успокаивает меня. Паника не сбавляет оборотов. И главное, я не знаю, как мне быть. Совершенно. Даже если позвоню во все компании такси города, никто не даст мне нужной информации.

Перевожу взгляд на телефон, который за это утро так ни разу и не подал признаков жизни, кроме рабочей почты.

– Поеду домой. Вдруг она успела за это время вернуться.

– Конечно. Так будет правильно.

Мы выходим с маминой кухни и останавливаемся в гостиной, где отец работает за ноутбуком на диване.

– Успокоился? Вот и правильно, – продолжает, не услышав от меня ответа и взгляда не подняв. – Будь дома. Вернется жена, поговорите и все решите. И лучше всего будет, если ты ее немного приструнишь. Детский сад, честное слово.

Я игнорирую его слова и безразличный тон.

– Если тебе перезвонит Ефим Сергеевич, мне сразу скажи, ладно?

– Давай уже.

Мама, прежде чем закрыть дверь, кивает, давая понять, что это сделает она, если отец заупрямится, и уезжаю.

Стараясь не задерживаться на дороге, я доезжаю как могу быстро, нарушая правила то тут, то там. Кажется, словно растеряй я лишнюю минуту на желтых светофорах – и не успею.

Но когда я вбегаю в квартиру, там по-прежнему напряженная тишина.

Я звоню всей семье Ефимовых по очереди. Они даже не сбрасывают. Каждый раз это неотвеченный вызов.

– Где же ты? – спрашиваю пустоту, нервно дергая ногой.

Тело покалывает от нарастающего страха, потому что уже семь вечера.

Я не ужинаю, так как меня тошнит от еды и мысли о ней, если бы я вообще о ней думал. Я сосредоточен на жене. Пишу ее подругам, чьи номера у меня имеются, я звоню.

Стараюсь, чтобы это не выглядело так, словно я в панике, а просто ищу ее, так как у нее, возможно, сел мобильный, когда она уехала из дома пару часов назад.

Никто не знает. Никто не видел. Да и соцсети, где она публикует многое, молчат. У Василисы аккаунт монетизирован, и она рекламирует многие вещи.

Ее просто нет нигде.

Стрелки часов смещаются к восьми. Затем к девяти. Я еду домой к родителям Василисы. Караулю их там до десяти. Света нет ни в одном окне. Поездка в квартиру Насти так же безуспешна. Мне никто не открывает. И, посмотрев снаружи на ее окна, вижу: там нет жизни.

Отец отвечает так же холодно, когда я звоню ему сам. Он хочет, чтобы я успокоился и дождался утра.

Но я не смыкаю глаз всю ночь. Я снова и снова езжу по городу до прозвеневшего в оглушительной тишине салона автомобиля будильника.

Припарковавшись у высотного нашего дома, поднимаюсь домой. Надежда, что жена там, умирает, стоит переступить порог.

Заставив себя помыться, сменить одежду и выпить кофе, я беру вещи и снова спускаюсь к машине. Еду на работу.

Я работаю в фирме отца. И потому, когда он оказывается в здании, сразу иду к нему.

– Ничего?

– На работу он не вышел.

– Твою мать! – ругаюсь и запускаю нервно пальцы в волосы.

– Успокойся.

– С ней что-то случилось. Я поеду в полицию.

– Не раньше завтрашнего дня. Трое суток – закон.

– Я плевать хотел на эти сутки. Она попала в беду, а я не могу ей помочь.

– И что ты им скажешь, когда тебе зададут вопрос, обращался ли ты к ее родным?

– Я понимаю, что тебе наплевать, отец. Но она моя жена. Женщина, которую я люблю и, возможно, подвел.

– Лучшее, что ты можешь сделать сейчас, – держаться за это слово «возможно». У тебя нет ничего, с чем можно пойти в полицию. Мы ждем до завтра, а потом идем в полицию.

– Я...

– Стервятники СМИ тут же разнесут твой визит в газеты и журналы. Как станешь отмываться? А я? Твоя мать, которая состоит в совете благотворительного фонда помощи женщинам, прошедшим насилие в семье.

– Это тут при чем?

– При том, что твоя жена пропала. И ты не знаешь, где она. Твоими словами будут: «Мы поссорились», – и тебя сожрут. Потом она появится, а ты останешься монстром и тираном.

– Мне все равно. Если с ней что-то случилось...

– Поверь, когда Василиса вернется живая и невредимая, ты пожалеешь о том, что слишком рано пошел в полицию и нагнал на себя это дерьмо. Сутки, сын, – он хлопает меня по плечу и садится за стол. – Мне нужно работать. Тебе тоже. Поедешь на встречу с Репиным вместо меня. Отвлечешься.

– Я хотел поездить по городу. Нагрянуть к ее родителям...

– Встреча в час дня, и ты должен там быть, – отрезает он и вскрывает первое из кучи писем, закрывая разговор.

День длится вечность. До обеда я снова езжу по городу. Совершаю звонки. Затем еду на ту самую встречу, а после нее снова принимаюсь за поиски.

На месте, где я оставил Василису, ничего нет. Старая типография, состоящая из трех зданий, заброшена и закрыта. Но я все равно обхожу ее вокруг. Вместо асфальта тут бетонная пыль и мелкий гравий.

– Пустая трата времени, – качаю головой, сажусь в машину и уезжаю.

Так и не появившись в офисе, я после поездки к родителям жены возвращаюсь домой.

На телефон, который я бросаю на столик в гостиной вместе с ключами и кошельком, – куча уведомлений от отца, что он недоволен мной. Но мне чертовски наплевать на это.

Я беру себя в руки и собираюсь позвонить в какое-нибудь детективное агентство, раз полиция под запретом. Но отец с мамой приезжают ко мне домой.

Он словно знал, что я собираюсь сделать что-то такое, поэтому отнимает телефон.

– Что ты творишь?

– Хочу убедиться, что ты не натворишь глупостей.

– Володя, не стоит, – мама мягко улыбается ему и протягивает руку. – Сейчас не время для конфликтов. Скажи ему, зачем приехал на самом деле.

Я смотрю на отца в ожидании.

– Завтра, если твоя жена не выйдет на связь, – говорит он, вложив в мою руку телефон, – я позвоню одному частному детективу, чем идти к этим остолопам из полиции.

– Я собирался сделать это сегодня.

– Завтра утром, Елисей.

Согласившись подождать, я снова провожу ночь без сна, и организм дает сбой. Поэтому я, вырубившись под утро, не слышу будильник, но стук в дверь моментально заставляет подскочить с дивана.

Я бегу к двери так быстро, что почти падаю, и, открыв ее, сталкиваюсь с такими же бездонными и серыми, как у моей жены, глазами.

Но это не она, а ее сестра.

– Настя... – я задыхаюсь от того, сколько вопросов мне нужно задать. Но я не успеваю ни звука больше произнести, так как она, сжав губы, наотмашь бьет меня по щеке.

От удара мою голову заносит. Щека горит. И когда, проморгавшись, поворачиваюсь к ней снова, вижу, что сестра моей жены плачет, а за ее спиной материализуется их семейный адвокат.

Глава 4

Василиса

«Холодно» – это первое, что пронеслось в моих мыслях, когда сознание стало медленно проясняться.

Я так сильно замерзла, что попросту не чувствовала пальцев на руках и ногах.

На самом деле я не чувствовала своего тела вовсе.

Дыхание было поверхностным, но на губах, которые ощущались распухшими, застыл остаточный всхлип. Он и сорвался с них, когда я попыталась сделать более глубокий вдох, так как показалось, что кислород в легких почти закончился.

Нервные окончания затекшего тела тут же пробудились, и агония опалила каждый миллиметр кожи и мышц.

Боль.

Она была всюду.

Я всхлипывала, почти беззвучно роня горячие слезы. От этого боль становилась лишь сильнее. И мне бы остановиться, но я не могла. К больному самочувствию добавились воспоминания, которые нечем было заглушить. Точнее – их обрывки. Самые жестокие моменты этой бесконечно длинной и безобразной ночи.

Слез стало больше, вместе с ними – и боли.

Попытавшись открыть глаза, я поняла, что не могу этого сделать. Видимо, удары, которые меня отключали от сознания, были сильнее, чем я помнила.

Разлепить в итоге получилось только левый. С трудом, пересиливая саму себя, я повернула голову. Осмотрелась. Было туманно и сыро. Воняло плесенью. Видимо, это то самое здание, у которого он ударил меня.

Перекатившись набок, рыдая, я почувствовала: заболела грудная клетка и всё, что ниже пояса. Словно с меня содрали кожу.

Воспоминания жалили беспощадно, но я хотела выбраться отсюда. Потому что одна мысль, которую я тянула словно на поводке, пропадая в беспамятстве и вновь приходя в сознание, была: «Я не хочу умирать».

Отгораживаясь от боли, я заметила свою сумочку. Она валялась у стены в двух метрах от меня. Казалось, что это расстояние гораздо больше, когда я перекатилась на живот и поползла вперед.

Преодолевая расстояние по миллиметру, я думала о том, что солнечные лучи – это приятно. Что ветер августовских дней – самый ласковый, а запах цветов – лучший в мире аромат, созданный природой.

Я не думала о боли. О том, что на мне нет одежды и я ползу по бетонному полу, потому что не могу встать на ноги или даже на разбитые, исцарапанные колени.

Окна старой типографии (я надеялась, что это именно она) были грязными, но они пропускали свет. Значит, уже утро. Я видела каждую деталь пространства, кроме темных углов.

Насильник оставил меня, когда всюду стал проникать красноватый рассвет. Это было красиво. И леж уже без слез, голоса, чести... опустошенная, сломленная и униженная, я смотрела в одно из окон.

Я хотела видеть красоту, даже если остальной мир теперь был выкрашен в черный цвет.

«Что, если это последний рассвет, который я увидела без искажения?»

Добравшись до сумочки, я не питала надежду, что найду в ней телефон. Но он был там.

Вытащив его трясущейся рукой, я попыталась разблокировать отпечатком пальца, но грязь не позволяла. Пришлось вводить пин-код. Не с первого раза, но я справилась. Пальцы не попадали по нужным цифрам.

В голове било словно молотком. Кружило. Тошнило ужасно. Но я понимала, что сейчас должна собрать последние силы для звонка. Я даже не стала пытаться войти с пин-кодом в мессенджер и позвонила по мобильной связи.

Сестра ответила сразу. Хотя и была всегда сложной на подъем.

– Василек? – донесся ее добрый и приятный голос, он вытеснил другой голос из мыслей, который я слушала много часов подряд. – Ты чего...

– Помоги мне, – мой голос был все еще хриплым. Должно быть, я его сорвала. – Помоги...

– Василиса, что с тобой? Где ты? – теперь она звучала обеспокоенно.

Я не хотела этого. Но она была той, кому я могла позвонить сейчас, кому хотела...

– С-старая тип-пограф-фия, – челюсти стучали друг об друга. Озноб становился сильнее. – Мне н-нужна помощь.

– Боже! – вскрикнула она, и дальше послышался шорох. – Я с тобой, слышишь?

– Одежда, – сказала я с трудом.

– Что? Одежда? – послышалась тишина.

– ...нужна, – закончила я свою мысль.

– Я уже еду, слышишь меня? – грохот закрываемой двери был оглушительным.

Я слышала. Но ответить уже не могла. Не могла говорить.

Меня будто утягивало в другое пространство.

Словно кто-то отключал один за другим цветковые фильтры, пока не осталось лишь черного и белого.

Я лежала на боку, немного подтянув ноги. Телефон рядом у головы. Голос сестры был уже очень далеко.

Что-то внутри безвозвратно ломалось с громким хрустом. Я больше не чувствовала аромата цветов, не помнила ласки солнечных лучей и ветра. В этом мире, где я теперь буду жить, больше не было ничего, кроме пустоты и бесконечной боли.

– О господи, – донеслось откуда-то издалека, с завыванием и огромной горечью, пропитывающей каждую букву. – Сестреночка моя... Боже мой...

Голос был таким знакомым и приятным, что я тут же очнулась.

На мгновение я испугалась, что ОН вернулся. Но затем расслабилась. Это был голос моей сестренки. И глаза, все еще закрытые, заволокло слезами.

На тело легло что-то мягкое и медленно стало согревать кожу.

– Твою мать, – этот тон принадлежал отцу. Бесспорно. Но внутри всё запротестовало.

Стало страшно. Стыдно. Мерзко...

– Нет... нет... – сотрясаясь, я попыталась прикрыться, преодолевая сильную боль. Стискивая челюсти.

Горло раздирала сухость, будто кто-то засунул в него ёршик и прочистил, а тело было ещё более онемевшим от неудобной позы и избиений.

Но я всё равно пыталась.

Кто-то плакал. Громко.

– Василиса?

Снова с трудом приоткрывая всё тот же левый глаз, я увидела нависающего надо мной отца.

Он бы не причинил мне зла, но было страшно. Просто реакция на присутствие человека в мужском облики.

– Нет... – крик застрял в сорванных связках, а руки машинально стали дёргать ткань. Казалось, он видел всё моё тело. Я была голой. Уязвимой.

– Папа, отойди. Она боится.

Теперь я видела: маму в шоке, Настю всю в слезах. Мышцы попытались расслабиться, потому что, по идее, я была в безопасности. Почти удалось.

– Родная моя, – всхлипывала сестра, и из моих глаз потекло ещё больше слез.

«Выходит, я не умерла?»

– Я с тобой. Я здесь.

Она шептала, укрывая меня плотнее. Мама натягивала носки на окоченевшие от холода ноги и руки, пальцы которых застыли, затем отошла к отцу, и они о чём-то заговорили. Я не слышала. Я смотрела в глаза. Серые. Родные. Они были такими теплыми, что стало теплее внутри. Там, в самом центре души, где остался лишь мрак, она была крохотным лучиком.

Настя плакала, улыбаясь. И повторяла: «Я с тобой».

Становилось теплей. Но боли было в разы больше. Однако я её терпела.

«Ведь могу вытерпеть, да? Ещё немного.»

Сломленная «Васька» внутри рыдала и кричала «Нет». Но я знала, что смогу.

– Василиса, – мамин голос ворвался в мой мир, когда я пыталась договориться с самой собой. – Нам нужно тебя отнести в машину. Понимаешь?

– Да, – ответила беззвучно, одними губами.

– Папе придется взять тебя на руки.

– Нет... я не одета. Я не одета... Не хочу...

Настя услышала, поняла, что я сказала, потому что была ближе матери, и попросила отца выйти. Они натянули на выворачивающие от боли ноги штаны. Приподняли, на что я вскрикнула, и сверху оказалась кофта на замке.

Сестра застёгивала её, и потому я прошептала ей на ухо нечто, кажущееся мне сейчас важным: «Не говори ему».

– Что?

– Не говорите... ему.

Я была безвольной куклой, которую сломали и собрали снова неправильно.

Вошел отец и стал приближаться. Страх был неправильным. Я это понимала, но тело реагировало по-своему, в защитном механизме: «Защищайся ото всех. Они враги». Закрывала глаза, чтобы стерпеть. На этом полу было гораздо страшнее.

Он шёл твердо, и на каждый шаг пульсация в голове усиливалась в тысячи раз, что я в итоге отключилась.

– Не вой, ради бога, – вонзился в сознание строгий голос.

– Не разговаривай со мной.

– Так будет правильно, Анастасия, – теперь я понимала, что этот голос принадлежит матери. Другой сестре.

– Я сказала тебе, не разговаривай со мной!

Они спорили. А я, оцепеневшая и обессиленная, не могла пошевелиться. Я хотела бы. Просто не могла.

Под собой я на этот раз ощущала теплую постель. Здесь пахло кондиционером и парфюмом. Больше не было холодно снаружи. Значит, я была действительно жива. Боль была тихой, накатывающей мягкими волнами, если стоять у спокойного моря и ждать, что вода достигнет ступней. Но это были волны и море, а на меня накатывала боль.

– Если это он? – спросила сестра, погладив меня по голове.

Её голос был очень близко.

– Отец выяснит.

– Можно было просто задать прямой вопрос.

– Он задаст. Сейчас главное, чтобы Василиса поправилась.

– Ты хоть знаешь, сколько на это уйдет времени, – снова душераздирающий всхлип. – Ты видела свою дочь, мама? Кто-то... кто-то с ней сделал это, а вы вызвали на дом врача. Я презираю вас обоих.

– Дорастешь до своих детей – поймешь нас с отцом.

– Вряд ли. Потому что я буду любить своих детей, в отличие от вас.

– Успокойся уже. Она жива, и это главное.

Воздух колыхнулся над моим лицом, потому что Настя убрала руку.

– Ты ей в глаза заглянула? Ты хотя бы видела в них что-то? – Тишина. – Нет. Ты не могла посмотреть лишнюю секунду в сторону своей красивой девочки с картинки. Потому что картинки больше нет. Потому что посыпятся неудобные вопросы, ты решила сделать вид, что ничего не произошло. А я вот увидела. Пустоту. Жива она или нет – теперь спорный вопрос. А её муж должен был быть рядом. Если это не сделал он сам. Она попросила молчать и не говорить Елисею, это многое объясняет. Даже то, что он, возможно, сейчас пакует чемоданы и бежит из страны.

Её рука вернулась на мою голову и стала гладить. Вторая опустилась на лежащую поверх одеяла руку.

– Мы не знаем, что произошло, Настя.

– Верно. Потому что поверили, будто он её искал, раз позвонил отцу ночью, когда её... – она не договорила, не было необходимости. – Но как-то же моя сестра оказалась в той дыре?

Боль в её голосе соединялась с моей собственной. Сердце заходило в мощном такте.

– Я не отдам её Елисею снова. Да она и сама не захочет быть с ним. Не после... этого...

Выплыв из поверхностного укрытия забытья, я открыла глаза. Правый не давал хорошего обзора, но всё равно чуть-чуть открылся.

– Василёк, – вздохнула сестра.

Её улыбка была печальной. Пропитана страхом. Рука оставалась на моей руке, но я ощущала себя грязной, и потому слегка пошевелила своей, чтобы она не прикасалась... не пачкалась. Настя поняла. Отпрянула немного. Она была чистой. Прекрасной.

– Как...

– Это не он, – прошептала я через силу.

– Не муж? – спросила вслух Настя, чтобы мама слышала. Та не подошла ближе, оставаясь у изножья.

– Нет.

– А кто? Кто-то знакомый?

– Нет. Чужой.

– Ясно. Мы не отвечали на звонки Елисея и не открывали ему, как ты и просила. Папа думает, что делать. Тебе нужно... кхм...

– Тебе нужно в больницу, дочка, – перебила мнущуюся в словах Настю мама. – В клинику, где тебе помогут и не станут задавать неуместных вопросов, с высокой анонимностью. Огласка будет лишней, пойми. Тень упадет на семью твоего мужа и на бизнес отца. А сплетники только и будут обсуждать произошедшее без конца. Тебе нужно немного тишины. Побывать вдали...

– Вдали от вас. С этим я очень даже согласна, – ответила резко Настя. – Не слушай её, Василиса. Напишем заявление. Расскажешь всё полиции, и они найдут этого подонка. Ещё и Елисея к ответственности призовут.

Мне стало не хватать воздуха. При мысли о том, чтобы говорить об этом. Смотреть на людей и рассказывать произошедшее. Говорить с мужем.

Картинки... они оживали прямо за веками. Каждая деталь этой ночи.

В моих мыслях о Елисее он все еще кричал и уезжал прочь, а потом приходила боль и кричала уже я. Его имя... молила о помощи... Всё как в заикленной записи. Снова и снова.

– Что? В чём дело? – Настя заметила мое состояние.

– Я не могу... – шепчу ей, пока слезы самопроизвольно катятся из глаз. – Не хочу говорить. Не хочу...

Плач перешел в задыхающееся рыдание, потому что лёгкие сдавило, как когда он бил по рёбрам.

– Не могу... не заставляй... прошу... – я скрутилась улиткой на боку, пытаюсь защититься, и ощутила, как сестра пытается обнять, поэтому дёрнулась в сторону от нее и закричала: – Нет! Не надо...

– Боже... – Настя расплакалась и отскочила. Затем встала на ноги, выставив руки. – Не буду. Клянусь, не буду. Не подхожу.

– Увезите меня... я не хочу... Пожалуйста... – я смотрю умоляюще, а агония пожирает всё тело и душу, не оставляя ничего «живого» и «нормального» от той девушки, которой я была еще сутки назад. – Мама... не хочу.

Истерика перестала быть контролируемой. Я словно сражалась. Просто не знала, что с демонами, терзающими душу, не справиться физической силой. Но я пыталась.

Поэтому на помощь пришло успокоительное, которое мне вколола внезапно появившаяся медсестра.

Глава 5

Елисей

Удивлённо моргаю. Но ни черта понять не могу.

– Что за... Настя?

– Ты ублюдок, – прошипела она мне в лицо.

Слёзы из её глаз текли без остановки, и у меня внутри всё оборвалось.

Если она уехала на такси...

– Что с Василисой?

Сестра жены вздрогнула при этом вопросе и ответила лишь через мгновение:

– Не твоего ума дело. Я пришла за её вещами, уйди с дороги.

– Что? Какого хрена? Где моя жена? Что значит – за вещами?

– Елисей Владимирович, давайте поговорим?

– Я не пропущу вас за порог и не позволю прикоснуться к вещам моей жены, пока вы не ответите на мой вопрос: где моя жена?

– Ты...

Адвокат положил на плечо Насти руку, и она замолчала, отвернувшись. Затем отошла в сторону, дав место мужчине.

– Василиса подаёт на развод. Я буду с вами на связи от её имени и имени семьи. Все контакты – через меня и только. Не пытайтесь...

Первая мысль – жива. В порядке. Но вот вторая... Развод?

– Что? Какой к черту развод? Что за бред?

В голове не укладывалось происходящее.

– Я её двое суток не видел, а теперь она отправляет вас и просит развод? Какого черта творится с Василисой?

– Не произноси даже её имени, ясно? – вмешалась Настя.

– Послушай, – попытался взять себя в руки. – Настя, мы поссорились, да. Я вспылil и выставил этот ультиматум, но всё же обсуждаемо. Не буду я лишать её карьеры. Я приревновал и... к черту это долбанное бельё и идиота Романа. Я просто хочу с ней поговорить. Не будет никакого развода. Она сейчас на эмоциях, вот и всё.

У нас с ней всегда были хорошие отношения, а то, что сейчас она меня всем своим существом будто презирает, ощущается слишком сильно. И я не имею понятия почему.

– Скорее, не будет никакого разговора. Никогда.

– Да что за бред.

– Дай пройти. Я заберу её вещи и уйду. Видеть тебя не могу.

– Я сказал – нет.

Настя психанула и отошла снова в сторону, а Григорий Александрович шагнул ко мне.

– Елисей, это решение не будет изменено.

Он говорил настолько убедительно, что я потерялся.

Что-то в его голосе было твёрдым.

– Мы поссорились. Мы просто поссорились, – едва выдавил я из себя. – Нам нужно поговорить...

– Она не станет с тобой говорить, Елисей. Ни сегодня, ни через неделю, ни... Сейчас согласись на развод. Желательно без суда. Здесь всё записано с её слов, – он протянул папку. – Прочти. Это выгодно вам обоим.

– Я не понимаю. Это же просто ерунда. Пусть будет моделью. Я был на эмоциях, вот и всё.

Он, опустив голову, кивнул.

– Позволь Анастасии собрать вещи Василисы.

– Она живёт у тебя? Или у родителей? – задал вопрос сестре жены.

– А ты догадайся.

Настя немного приходила в себя после до сих пор непонятной мне истерики.

– Я сам привезу ей эти вещи. Пусть скажет мне о своих намерениях в глаза, а не через адвокатов и родственников.

Настя сверкнула гневным взглядом, но согласилась.

– Привози к родителям. Сегодня, пожалуйста, – её голос был пропитан ядом, затем она развернулась и ушла.

Закрыв дверь, я ещё долгое время стоял на пороге нашей с женой квартиры. Затем взял в руки телефон и позвонил ей. Не ответила. А последнее посещение в мессенджере датировалось пятницей. В соцсетях была тишина.

Всё смахивало на какой-то бред. И единственный вариант понять, что всё это значит, – поездка к её родителям. С вещами Василисы.

Может, она давно хотела этот развод? Может быть, ждала момента? Пошла на ту фотосессию. Заставила приревновать.

Это могло сойти за правду с кем-то другим. Вот только я знал Василису. Она была бесподобной, милой и преданной. А ещё откровенной во всём. Мы говорили открыто. Реши она подать на развод, сказала бы мне об этом сама.

Что-то не сходилось. Но я планировал выяснить всё сам.

Первым делом я позвонил отцу, чтобы он отозвал детектива.

– А ты панику развёл, – разозлился он.

– Это не имеет логики.

– Да что ты? Ты прикрикнул, заговорил о детях и карьере, она тут же решила на развод подать. Действительно, логики тут нет вовсе.

– Отец, прекрати, – чуть ли не зарычал я на него. – Это серьёзные вещи.

– Вот и разбирайся с ними, да поскорей. Компания не работает в автономном режиме, пока ты носишься за юбкой.

Я отключился.

Надоело его слушать.

Вещи жены я не собирал. Сначала мы поговорим обо всём, и дальнейшее будет зависеть от этого разговора.

Не теряя времени, я оделся и, взяв ключи и документы, которые хотел вернуть ей за ненадобностью, поехал.

Ворота открыли сразу, как только я попал в поле зрения камер.

Припарковав автомобиль на стоянке перед домом, вышел. Прихватил папку и остановился у двери.

Её открыла экономка.

– Здравствуйте, Елисей Владимирович.

– Здравствуйте, Ольга. Где Василиса? – сразу задал вопрос.

– Пройдите в гостиную.

Войдя в парадную гостиную, меня ждали адвокат, Ефим Сергеевич и Марина Робертовна. Я даже осмотрелся, но Василисы здесь точно не было. Поэтому прошёл к дивану, сел на него и бросил папку на стол.

– Я должен был догадаться, что это уловка, – сразу же иду в наступление. – Где моя жена?

– Ты читал то, что написано внутри, Елисей? – игнорирует мой выпад Ефим Сергеевич, как делал это часто со своими дочерьми и людьми вокруг. Мне это слишком знакомо от отца.

– Даже не открывал. Я приехал поговорить со своей женой.

– Её здесь нет.

Я поворачиваю голову и смотрю на виднеющиеся с моего ракурса первые ступеньки широкой мраморной лестницы.

– Даже если обыщешь каждую комнату особняка, Василисы ты здесь не найдёшь.

– Интересно, почему? Вы её прячете?

– Скорее, наоборот.

Сузив глаза, я сканирую всех троих.

Марина Робертовна и вовсе выглядит отстранённой. Мне кажется, она даже не слышит, о чём мы говорили эти пару минут.

– У меня есть примерно полчаса свободных. Изучи документы и...

– Я же сказал. Я хочу поговорить со своей женой. То, что мне любезно предоставил ваш адвокат, – суший бред. Я не видел жену почти три дня и...

– А может, стоило...

– Марина, – громко, словно выстрел, громыкает голос отца жены, и женщина тут же замолкает, а я напрягаюсь.

Слишком много странностей происходит. И от меня явно что-то скрывают. Но что? Я не имею ни малейшего понятия.

– Просто ответьте, где она?

– Если она не говорит, то не скажем и мы.

– Она даже не отвечает на мои звонки и сообщения. Её нет ни в мессенджере, ни в социальных сетях. Она не вышла на работу, и её подруги даже не знают о ней ничего. Так как я, чёрт возьми, должен что-то узнать?

– Только из первых уст, – спокойно и всё так же скучающе отвечает этот робот.

Я поднимаюсь на ноги и принимаюсь ходить за диваном, на котором сидел.

Стук моих туфель разносится по всему первому этажу. Да, эта семья из тех, к кому вы входите, не снимая обувь.

– Почему она внезапно попросила развод?

– В папке есть ответы на многие вопросы.

Разозлённый и уставший от того, что все двери, в которые я стучу, закрыты, я подхожу к столику. Хватаю папку и раскрываю её.

Пропустив, о чём сам документ, ищу в «теле» самое важное.

– «Непреодолимые разногласия»? – читаю вслух причину развода. – Что за ерунда?

– Всё записано со слов нашей дочери.

Усмехнувшись от абсурда, «иду» дальше.

«...всё имущество оставить за тем, на кого оно оформлено (далее перечисление домов и машин, которыми мы владеем) ... Ни на что не претендую и так далее».

То есть она отказывается от судебного разбирательства. Не будет требовать половину моих денег, бизнеса... НИЧЕГО!

– Очень похоже на спешку, – выдаю то, куда сводятся все мои мысли. – Она вообще в стране?

Марина Робертовна впервые выдаёт эмоцию – изумление, судя по её вздёрнутым бровям.

– Разумеется. Неужели женщина в наши дни не может потребовать развод и при этом не отвечать на вопросы? Моя дочь решила, что этот брак ей не нужен. Она уходит, не крича и не забирая последние носки. Елисей, – она смотрит на меня как на идиота, – просто соглашайся и разойдёмся с миром. Что Ефим, что Володя – занятые люди. Пока ты будешь лелеять обиды, бизнес может прийти в упадок. Инвесторы и будущие клиенты не оценят шумихи. Это же просто смешно, что мне приходится тебе об этом напоминать.

Закатив глаза, она потянулась к бокалу (и это в такую рань?) и осушила его.

Тесть сидел, изучая моё лицо. И вроде бы казался расслабленным. Но ощущение, что тут все под напряжением и вот-вот ударит током, не покидало.

Всё, что сейчас я имел, – это безысходность в этом разговоре. Они не сдвинутся с точки, но и я не планировал.

– Значит, если я не подписываю документ, мы разводимся с ней в судебном порядке?

– Именно так, чего я бы тебе не рекомендовал. Сегодня у нас с Владимиром встреча, – встав, он застёгивает пиджак и смотрит на меня жёстким, холодным, серым взглядом.

– Будете давить через отца?

– Это бизнес. И он синоним слова «давление».

– Это мой брак. Мой и Василисы.

– Очевидно, моя дочь больше так не считает.

Проверив время на своих наручных часах, Ефим Сергеевич делает несколько шагов к адвокату.

– Думаю, сегодня вы нам не понадобится, Григорий Александрович. Если Елисей одумается, он с вами свяжется сам.

– Мой ответ вы знаете.

Разворачиваюсь с одним очень важным убеждением, следуя к двери, услышав, как тёща просит адвоката задержаться.

Меня догоняет тесть, и у входа, когда я открываю дверь, зовёт по имени. Стоит обернуться, мне в живот прилетает сильный удар, который сбивает дыхание и заставляет подавиться воздухом.

Остатки кислорода выходят из меня сдавленно, пока я корчусь и падаю на пол. А он переступает через меня и уходит к своей машине, ни слова не сказав. Ублюдок!

Отдышавшись и придя в себя, я опираюсь на стену и поднимаюсь с пола. Затем бреду к машине и уже там достаю телефон. Набираю отца.

– Да, – отвечает он, очевидно, злясь, что я его отвлёл.

– Частный детектив, который у тебя есть, – дай мне его номер.

– Зачем?

– Отец, просто дай мне его номер, если доверяешь ему. Нет – сам найду, к кому обратиться.

Он тяжело вздыхает и сбрасывает. Я уже решаю, что он не отправит мне контакт, но через секунду на телефон приходит сообщение с номером и именем мужчины.

«Если они не отвечают на мои вопросы, тогда я найду ответы сам!»

Глава 6

Василиса

Просыпаться страшно.

Просыпаться в темноте – неопиcуемый ужас.

Я лежала на роскошной кровати. Знаю. И меня заботливо укрыли теплым одеялом, потому что мне все еще было холодно. Словно холод бетона проник до самых костей и остался там.

Но темнота искажает все эти вещи. Делает их еще страшней и ужасней.

Кровать кажется слишком мягкой, чтобы я утопала в ней и не могла сопротивляться достаточно сильно. А одеяло... слишком тяжелое. Оно давит на тело и запутывает ноги, делая движения скованными.

Крик застревает в горле.

Таким кошмаром кажется эта реальность.

– Василиса! Сестренка! Ты дома. Дома, – рядом слышится плач и быстрый, умоляющий шепот.

Он не похож на тот, что говорил: «Какая удача! Мне сегодня очень повезло, красавица!»

Но этот противный звук заглушает остальной мир и не позволяет ускользнуть от этой дикости.

И когда кажется, что я вот-вот сойду с ума от боли и страха, включается свет. Он топит темноту, побеждая и прогоняя демонов. Но почему-то хочется сойти с ума, чтобы больше не испытывать этого, снова просыпаясь.

Распахнув глаза до покалывающей боли, я напиваюсь светом. Позволяю ему заглянуть в каждый уголок двигающихся глазниц. И дышать. Глубоко.

– Свет... – шепчу, уставившись в потолок, собирая рассыпавшийся рассудок.

– Что?

– Больше не выключай. Не надо...

Медленно моргнув, потому что в глазах стали собираться слезы, я поворачиваю голову к сестре. Настя тут же опускается у кровати на колени, боясь быть ближе, и тянет руку. И когда я хочу коснуться ее в ответ, то улавливаю грязные, сломанные ногти. Кожу, которую пытались отмыть, очевидно, полотенцами.

Она замечает мой взгляд и, оставив попытку коснуться, опускает глаза.

– Это я тебя протирала.

– Что? – дыхание стало прерывистым. Она видела меня. Видела...

– Нет-нет, – тут же добавляет, когда из меня начинает рваться си́плый звук. – Я не... никто не стал...

Так поэтому грязь на мне словно вторая кожа? Она смыла ее лишь с рук.

– Грязь...

– Что?

– Ее можно попробовать смыть. Быть может, она уйдет.

Что если это поможет очиститься окончательно?

– Конечно. Набрать ва... Ох... врач сказала, что ванну нельзя.

И от омерзения слов меня воротит. Мне хочется раздирать кожу, чтобы смыть все кровью и больше не переживать ни о чем.

– Можно попробовать... – снова говорю. Потому что пока еще верю, что это очищение возможно.

Откинув одеяло, которое сбилось в моих ногах, я словно горю в огне. Жжение...

Сестра дергается помочь, но я замираю, и она тут же опускает руки.

С головокружением я сажусь и, немного придя в себя, пытаюсь встать.

Но сил нет. Совсем.

– Позволь помочь, Василек.

Видя такие же грязные ноги, меня снова мутит. Но я подавляю отвращение к своему телу и киваю ей.

– Только держи меня за руку.

– Хорошо.

Мы доходим до ванны. Там огромная душевая, но я знаю, что не смогу стоять. А оставить сестру внутри я не осмелюсь.

– Пуфик, – говорит она громко.

Я смотрю на кожаный пуф у трюмо, которое стоит в ванной, и, поняв ее задумку, киваю.

Прислонившись к стене, жду, когда она поставит его в душевой, прямо под лейкой. И неловко переминается, поглядывая на меня. Не зная, как быть.

– Пожалуйста, – шепчу ей.

– Я оставляю дверь открытой, но клянусь не войти. Ты просто позови.

– Не входи, – сжимаю челюсти, борясь со слезами.

– Не буду. Клянусь.

Настя уходит, оставив дверь нараспашку. Я подхожу, держась за все подряд, что попадается под руку, к пуфу и сажусь на него, подняв ночнушку. Брезгливость к собственному телу такая сильная, что я закрываю глаза и стягиваю медленно через голову вещь, чтобы не видеть того, что на мне оставил тот подонок. Бросаю в сторону сорочку и сразу же тянусь к панели на стене наощупь. Вода вырывается из лейки ледяная. Но я лишь содрогаюсь слегка. Затем она становится все теплей, и с каждой секундой она действует на меня как доверчивый источник, под которым можно выплакать все, что внутри не находит места.

И я начинаю рыдать. Сгорбившись под прозрачными струями, грязь и даже боль утекают в слив. Очищается лишь поверхность, но не память.

Когда я зову Настю, растеряв последние силы, на мне промокшая насквозь ночнушка, а тело трясется от усталости.

– Я забыла про полотенце, – вздыхает она и открывает шкафчик. – Вот.

– Спасибо. Я не могу, – признаюсь ей и, подавляя протест тела и души, позволяю ей мне помочь.

Настя вытирает волосы и ступни, но не пытается сделать больше. Она накидывает на меня полотенце и помогает вернуться в комнату.

– Дай пижаму, – прошу ее. От мысли снова надеть платье, даже ночнушку, тошнит.

– Конечно.

Она терпеливо подает мне ту, что с длинным рукавом, – рубашку и штаны, плюс трусы со спортивным лифчиком, без которого я тоже отказалась быть. Затем ждет, пока я оденусь, согласившись отвернуться. Потом я ложусь, лишенная последних сил.

– Хочешь...

– Спасибо тебе.

– Не надо, сестренка. Я хочу принести тебе еды.

– Не хочу.

– Но тебе нужны силы.

– Не нужны.

– Василиса, я не позволю тебе опустить руки.

Но я не отвечаю ей. Потому что смысл этих слов теперь носит иной характер.

– Когда я уеду? – перевожу тему.

– Ты проспала восемь часов.

Быстро глянув на тумбочку, вижу расплывчатую цифру «2».

– Почему я плохо вижу?

– У тебя, скорее всего, сотрясение мозга и... глаз...

– Что с ним?

– В нем лопнули капилляры. Он красный. Весь. В клинике тебя обследуют полностью.

Врач мало что могла сказать, так как ты была без сознания.

– Так когда?

– В пять утра. Чтобы без пробок покинуть город.

– Хорошо.

Она закусывает губу и словно жует ее.

– Что?

– Отец связался с адвокатом. Они ждали, когда ты проснешься, чтобы услышать твоё мнение. Думаю, они внизу.

– О чем?

– О твоём муже.

При упоминании Елисея я не понимаю своих чувств и эмоций. Внутри так много всего бродит. Но одна выбивается на этом фоне. Самая четкая и понятная – я не вернусь к нему.

Я не могу.

– Нет. Не хочу.

– Что случилось, можешь рассказать?

Дыхание тут же учащается, а, закрыв глаза, я пытаюсь сдержать слезы.

– Мы поссорились, – сиплю, пока еще не впала в истерику. – И я попросила его меня посадить. А потом...

– Все. Все. Не надо. Чш-ш... Я поняла.

Она мягко касается моих пальцев, которыми я схватилась за подушку, лежа на боку.

Но маятник словно был запущен, и успокоиться так быстро я не могла.

– Я не смогу... больше нет...

– Знаю, Василек. Знаю. Отец предложил через адвоката осуществить развод.

– Да. Пусть. Не говорите ему. Я виновата. Это все я...

– Неправда. Василиса, ты не виновата. Ты что? Это все тот ублюдок...

– Это я... это все я...

– О боже...

Я слышала сквозь рыдания, как она бежит из комнаты. А я осталась корчиться в агонии слабости и постоянных мыслей, что я виновата.

Успокоил очередной укол. Но в сон лекарство клонило не очень сильно. Поэтому я застала вошедших маму, отца и адвоката. Последние двое остались у дверей, потому что я тут же испугалась их присутствия.

– Василиса, так ты согласна с разводом? – голос отца был ледяным.

– Да, – мой был чуть слышно. Но он понял. Адвокат кивнул.

– Мы ничего ему не скажем. Во-первых, он начнет тебя искать...

– Нет. Не надо... – засуетилась я вяло.

– Мы не будем, – тут же успокоила сестра.

– Во-вторых, ты уедешь далеко. У семьи Терещенко достаточно власти и денег, чтобы попытаться тебя найти. Но я уже все организовал. Когда будешь готова вернуться...

– Мы будем ждать тебя, – мама попыталась улыбнуться, но ей не удалось даже посмотреть на меня. Но я поняла, что в этих словах было нетерпение увидеть меня снова звездой модельного бизнеса.

Она ошибалась на мой счет. Потому что даже не подозревала о том, что внутри меня происходит.

– Я больше не буду работать в агентстве, – предупредила ее.

– Но если лечение...

– Господи, мама, – закричала Настя. – Ты издеваешься?

– Но это же бессмысленно. Я улажу вопросы с контрактами. Замаскирую твой отъезд под отдых и перерыв. Но я не вижу повода...

– Проваливай отсюда.

– Анастасия! – строго сказал отец, но я уже закрывала глаза. – Марина, тебе и правда лучше уйти.

– Поправляйся, – донесся голос папы откуда-то издалека и унесся прочь.

В следующий раз, когда я проснулась, это уже было другое место. Запах, цвета, ощущения – все было другим. Другим миром.

Глава 7

Елисей

Неделю спустя

Передо мной лежал конверт от адвоката моей жены.

Я знал, что там внутри. А он знал, что это бесполезно. Но на него давила семья Ефимовых. На меня давить было бессмысленно.

Прошла неделя... нет! Ровно девять дней и одна ночь, как я не видел Василису. Частный детектив уже взялся за дело, а отец не переставал говорить о том, что я идиот. Меня же волновало лишь то, что говорит первый. Слова второго меня не трогали.

Я искал ее. Я пытался отыскать свою жену и просто поговорить.

Кто вообще разводится, не поговорив? Кто так делает?

Спустя неделю без ответов и столько же дней, как телефон Василисы больше не обслуживался (ведь я не прекращал звонить и писать ей), я понял, что что-то произошло. Это подняло уровень тревоги, и желание найти Василису возросло в тысячу раз.

Вот только, если с ней что-то произошло, почему мне об этом никто не говорит?

Ее семья? Они просто молчат. Просто просят скорее завершить это дело, когда я выхожу с ними на связь.

В сети вышло заявление Марины Робертовны как матери и главы агентства, которому принадлежала Василиса. Примерно это звучало так: «Моя дочь взяла перерыв. Устав от карьеры и этой суеты вокруг ее личности, Василиса Ефимова (да, именно так; она использовала ее девичью фамилию, словно я подписал проклятые бумаги) взяла перерыв на неопределенное время. Прошу уважать ее решение. Она все еще главное лицо нашего агентства и останется им, если не решит заняться чем-то другим».

После ее заявления под этим постом начался спор. Половина голосила о том, что мы ждем ребенка, и уже поздравляли с прекрасным событием; другая топила за то, что она просто решила разогреть публику к следующему возвращению «в свет». Под вторым вариантом лагерь разбился на тех, кто ставил ставки, что именно изменит модель (внешний вид или тему съемок, учитывая, какой откровенной была последняя работа), и согласных на все, лишь бы она скорее вернулась. Особняком держались хейтеры и ублюдки, кто либо порочил, либо просто обзывал ее. Впрочем, команда агентства тут же убирала подобные высказывания. Я был в третьей категории – тех, кто просто искал жену.

Взяв в руки конверт, что мне прислал Григорий Александрович, я вытащил письмо. Думаю, он его копировал или распечатал несколько штук, чтобы каждый раз не писать одно и то же. Хотя в конце добавилась одна строчка: «Ваше молчание и отказ не принесут ничего, кроме лишней шумихи и как итог развода. Я юрист, и я знаю, что бывает в конце подобного упорства».

Он, может быть, и знал. Но я сомневался, что к нему приходят с подобными просьбами каждый день. Просьбами развести супругов, не давая четких определений причины от одного из них.

Все было неправильным, и я отказывался идти у них на поводу.

Взяв трубку, я набрал его номер. Он ответил сразу же, возможно потому, что у него стоит определитель или он знал номер моего офиса.

– Вы знаете мой ответ, – не ходя вокруг да около, сказал я и повернулся к окну.

Серое небо всю неделю оставляло город без солнечных лучей. Дождь лил каждые пять минут. Мрачно и очень атмосферно. Для меня.

Город еще никогда не был мной так нелюбим. Я почти не спал, и нервы тоже сдавали.

В моей жизни были моменты, когда я искренне сожалел о сделанном. Тот разговор в машине с Василисой стоял на первом месте. И бессилие раздражало.

Сейчас я чувствовал себя беспомощным. У меня куча денег, а я не знаю, как при помощи них вернуть жену. Стрелки часов – это все, на что я по-настоящему обращал внимание. Они все еще шли вперед. Как бы напоминая, что время идет вперед, а ты стоишь на месте.

– Это как спам, который приходит на почту в определенные дни недели, – отвлек меня от собственных мыслей голос адвоката.

– Знаете, о чем я думал?

– Поделитесь.

– Что вы в курсе всего.

– Я адвокат семьи Ефимовых – я в курсе всего.

– Именно об этом и речь. Я подумывал похитить вас и пытать до тех пор, пока вы не сознаетесь даже в собственных грехах.

– Как хорошо, что наши телефонные разговоры записываются.

– Ага, – я устало вздохнул и замолчал.

– Я знаю все и именно поэтому даю вам совет, Елисей, потому что этот брак вам не сохранить никаким упорством.

– Когда вы так говорите, я страшусь одной мысли... – Он молчал, дав возможность продолжить без ответных вопросов. – Мысли, что она вообще...

Мое горло стянуло, словно удавкой. Я не облекал вслух это слово. А когда думал об этом, был готов бить себя по голове кулаком.

– Она жива, – сказал мужчина, и внутри что-то... что-то зашевелилось.

По крайней мере, я надеялся, что он говорит правду.

– Но этот брак вам все равно не спасти.

– Я это уже слышал. До свидания или следующего письма.

В трубке послышались короткие гудки, затем я положил ее на место и снова развернулся к окну.

«Что произошло, милая?»

Я задавался этим вопросом так много раз, что сбился со счета; сколько раз просыпался утром от фантомного шума работающей кофемашины и бежал на кухню, чтобы встретить тишину и иллюзию аромата.

Прошла всего неделя и два дня, а кажется, что гораздо больше.

Дверь с грохотом распахнулась.

– Ты что, собрался меня игнорировать?

Медленно развернув кресло к столу, я уставился на его разъяренное лицо.

– Отец, я... – Он, разумеется, не позволил мне закончить.

– Это наш семейный бизнес, черт тебя дери, а ты из-за какой-то жалкой модельки решил похоронить его вместе с рухнувшим браком?

Он кричал не впервые. Но каждый раз теперь приплетал мою жену и мой брак.

– Это не твое дело.

– О, это очень даже мое дело. До тех пор, пока ты не вытащишь голову из задницы и не начнешь работать. Подпиши чертовы бумаги и вспомни наконец, что ты мужчина, а не...

Он посмотрел на меня почти с отвращением и вышел, так и не дав ответить. Хотя, какой в этом смысл?

Мой личный телефон издал короткий звук, и я тут же взял его в руки. Снял блок и зафиксировал место и время встречи с детективом.

Это будет наша первая встреча с момента, как он взялся за работу. Ведь обычно мы перекидываемся сообщениями.

Ответив ему, я открыл чат с Василисой. Все мои сообщения и исходящие были не прочитаны и неприняты ею. Но я все равно проверял каждый день в надежде, что серые галочки вдруг станут синими.

– Ничего? – удивлённо переспрашиваю мужчину напротив, словно от этого изменится его ответ.

Мы сидели в кафе, где каждый стол полностью уединён. Такое ощущение, да и по контингенту понятно, что ходят сюда исключительно деловые люди. Однако я был здесь впервые, и мне понравилась эта созданная конфиденциальность.

Детективом, которого порекомендовал отец, был мужчина сорока лет. В прошлом у него большой послужной список в полиции и прочих ведомствах, названия которых я не запоминал. Он работал эффективно – так говорили о нём. Поэтому я ждал результат.

Но его не было.

Словно моя жена просто исчезла. Нет, были зацепки. Но их проверили. И они вели в никуда. Её отец уже постарался. Я это понимал, но не принимал. Не хотел.

Я вытащил телефон и показал ему пост матери Василисы.

– Вот что она написала.

Он пробежался по экрану взглядом, чтобы понять, о чём речь, и снова посмотрел на меня.

– На подобное пойти из-за ссоры? Чушь собачья. И чушь то, что говорят в компании такси. Если она в него села, значит, что-то случилось в дороге. Если не села в проклятую машину, значит, что-то случилось там... на проклятом пустыре.

Я отгонял эти мысли как мог. Самые мрачные и гнусные. Потому что представить, что с моей любимой могло случиться страшное, я попросту... Я не хотел думать об этом. Словно, если лишь немного подумаю, допущу к реальности, то это станет правдой.

– Согласен. Завтра мои люди осмотрят там всё. Но вероятность найти...

– Мне не нужны вероятности, – перебил я его, не желая слушать эти отговорки. – Мне нужно найти мою жену.

Он понимающе кивает, затем ставит локти на стол и, растопырив их, соединяет кончики пальцев обеих рук. При этом смотрит на меня поверх этой «композиции». Я жду, что он скажет, а в голове всплывает воспоминание, как однажды Василиса показала видео танца пальцами. Кажется, оно называется «фингер-тат», а может, я неправильно запомнил. Она загорелась идеей научиться делать что-то подобное. Но, сходяв на пробное занятие, сказала, что лучше будет просто смотреть видео и ходить на фотосессии.

«Оставляю это профессионалам. Зато они не умеют, как я, вставать в правильную и выигрышную позу перед камерой», – задорно рассмеявшись, она подскочила с кровати в одном атласном топе и шортах на высокой талии и начала позировать.

Каждый раз, когда она вытворяла что-то подобное, я наблюдал за ней и ощущал одно и то же чувство – восхищение и любовь к этой прекрасной девушке, которая стала моей женой.

А теперь я испытывал опустошение и растерянность, потому что её со мной не было рядом.

– Что, если она действительно просто решила развестись? – задаёт свой вопрос детектив. – Вы такой вариант не рассматривали?

– Нет, – отвечаю твёрдо.

– Нет? – переспрашивает удивлённо.

– Нет. Потому что... – Я выдохнул, так как следующие слова и нынешние дела шли вразрез с ними. Так могло показаться другим, кто не знал нас как одно целое. – Потому что мы любим друг друга. Подобный вариант не про нас.

– Вы хотели отобрать у неё то, что она тоже любила, – напоминает, вздёрнув бровь.

– Я помню, что сказал ей в машине. Мы ссорились порой. Она уходила ночевать к сестре или в родительский дом, чтобы ситуация не усугублялась. Мы оба очень импульсивные. Жена немного меньше, но... мы находили путь обратно, потому что никогда не уходили далеко.

В груди всё отчаянно ныло. Я не лгал. Мы не были идеальны в своих отношениях, да и не стремились к этому. Если мы ссорились, то красноречиво. И так же красноречиво любили.

– То, что вы нашли, – дело рук её отца. Он защищает Василису и не хочет, чтобы я её нашёл.

– Всё выглядит так, словно вы не просто поссорились на той дороге. Сбивать со следа ради того, чтобы развести дочь с мужем?

– Это именно то, о чём я вам толкую. Всё немного слишком.

– Ладно. Тогда не будем предполагать.

– Да, пожалуйста, – выдыхаю, и он продолжает задавать вопросы и рассказывать о дальнейших планах.

Когда он говорил о том, что и как планирует делать, я верил в то, что всё будет быстро. Иван Виссарионович тоже был уверен в своих силах.

Но прошла неделя. За ней ещё одна. Письма от адвоката стали короче и содержали лишь просьбу, без лишних слов. Я закидывал вопросами детектива, но получал один и тот же ответ. Каждый раз.

И так прошёл месяц.

Моя уверенность, убеждённость в том, что я совсем скоро её увижу, поговорю, попросту таяла на глазах.

Детектив следил за всеми членами семьи Василисы. Марина Робертовна занималась агентством и представила публике новую модель месяца. Ефим Сергеевич отдавался бизнесу. А Настя работала в педиатрии.

Они жили так, словно их ничего не беспокоило. Это шло вразрез с тем, что с Василисой могло что-то случиться.

Ничего не сходилось.

Ни один пазл.

Я нервничал. По-прежнему мало спал. Приезжал на тот пустырь несколько раз в неделю в надежде что-то найти.

Её не было нигде. Только в моей памяти и квартире, где оставались её вещи.

Порой я злился на Василису, а потом отпускало.

Её номер по-прежнему не обслуживался. Но я продолжал писать в наш чат сообщения в надежде, что она внезапно включит его и прочтёт мои мольбы. Услышит извинения за мою ревность в ту ночь.

Но пока что у меня только и было, что эти мысли и надежда. А потом ко мне на работу пришёл адвокат, представляющий Василису, и сказал, что нас с ней будут разводить через суд, раз я не пошёл на мировую. А я задумался: было ли это решение её или родителей?

Глава 8

Василиса Месяц спустя

Войдя в кабинет моего психолога – Елизаветы Андреевны, я сразу же направилась к дивану, на который она, как я знала, предложит мне сесть, и опустила на столик, стоящий между мной и креслом, которое она займет, листок с рисунком.

Даже прикоснуться к нему было мерзко. Поэтому я поморщилась от его вида на идеальной стеклянной поверхности и отвернулась к окну.

За окном... было красиво. Забавно видеть красоту, но мысленно представлять, как ее, например, пожирает огонь и от величественных елей и сосен алтайского леса не остается ничего. Лишь обугленные и скорчившиеся палки с острыми пиками, смотрящими в голубое небо.

Это происходит неосознанно. Я просто вижу красоту, а потом «паф» – и ее внезапно нет.

– Здравствуй, Василиса, – женщина поднялась из-за рабочего стола и, взяв свой блокнот, подошла к креслу. Села и провела листочком по столешнице, который заскрежетал и вызвал неприязнь, прежде чем взять его к себе на колени.

Она нравилась мне.

Не лезла в голову слишком глубоко, не заставляла и не делала вид, что она моя подруга или понимает все, что я пережила. Может, и понимает, но не в прямом смысле. Этого ей достаточно, чтобы сопереживать мне, давать понять, что она сожалеет. С ее-то опытом работы в десять лет. За первые пять минут моего нахождения в этом самом кабинете в первый раз она рассказала о себе «все». Все, что я должна была знать. А я молчала.

И все же она вела себя нормально. Однако я задавалась вопросом: видит ли она ту грязь, что покрывает мое тело и нутро? А может быть, делает вид, что не замечает? И того зловонного амбре, что я чувствую от себя постоянно.

У нас было четыре сеанса. Этот – пятый. И лишь в прошлую пятницу я смогла ей рассказать все. Абсолютно все: с момента, как меня ударили по голове, и как я очнулась, смотря на свою сестру. Сеанс длился дольше обычного на сорок минут. Она не торопила. А мне показалось, что я говорила всю ночь, минута в минуту, как и тот ужас, что длился со мной до рассвета.

Когда мы закончили и я смогла дышать, она попросила нарисовать на листочке «страх».

Эта просьба удивила. Я думала, что в норме – попросить изобразить «счастье», «надежду», «смех». Но никак не страх. И что самое парадоксальное – я с трудом справилась с этим заданием.

Прошедший мороз по коже заставил вынырнуть из мыслей. Я повернула к ней голову, поджав ноги и натянув объемную кофту на колени, опустив до самых стоп. Она смотрела на мой рисунок, затем подняла глаза на меня и прищурилась.

– Я могу ошибаться, но это...

– Грязь, – подсказала я ей, на что женщина кивнула и снова посмотрела на листок.

Через пятнадцать секунд он был отложен в сторону.

– Что ж, я должна сказать спасибо.

– За что?

– За то, что ты справилась с этой задачей.

– Разве?

– Неважно, как ты это сделала, что использовала: карандаши или ручку, и насколько это художественно...

– Я не художник. Совсем.

– Мне не нужно это. Здесь, – ее длинный палец указывал на рисунок, – факт того, что ты преодолела барьер.

Я с сомнением вглядывалась в ее лицо и воспринимала слова.

– Крохотный барьер для любого человека, не для тебя. Но он первый. Знаешь, сколько женщин справляются с этим заданием?

Я не задала ответный вопрос «Сколько?», но посмотрела достаточно вопросительно, чтобы она продолжила.

– Тридцать процентов. И эти тридцать процентов, когда-то сломленных, но сильных женщин, сейчас живут дальше.

В груди стянуло, а дыхание участилось. На глазах выступили слезы, и я была готова протестовать, но не стала.

Как она могла такое говорить?

Как могла сравнивать меня с ними? Я не они. Потому что я не сильная.

– Вы не помогаете своей ложью, – прошептала я, втянув шею в горловину кофты, оставив лишь глаза, смотрящие на нее с болью.

– Хорошо, что ложь не мой метод. Давай продолжим? – я слегка кивнула. – Ты не против немного поговорить и ответить на мои вопросы? – Снова движение головой, и она сразу же начала. – Нам нужно обсудить твои эмоции и ощущения, Василиса. Это важно. Когда ты рисовала, какими были твои ощущения?

– Словно... эти куски грязи отваливаются от меня. Хотелось пойти и помыться.

– И ты это сделала?

– Да.

– Это помогало почувствовать себя чище?

– Не особенно. Она проникла под кожу.

– Полагаю, было трудно рисовать?

– Я мылась за эти дни около тридцати раз. Каждый из них – попытка продолжить.

Она кивнула и, не глядя в блокнот, что-то записала.

– Воспоминания были в моменты рисования?

– Да. Постоянно.

Я вытащила руку из длинного рукава и потянулась за водой, которая всегда стоит на тумбочке и столике, где бы я ни села во время очередной встречи.

Отвинтив крышку, я выпила почти половину, потому что боролась с отвращением и слезами.

– Василиса, какое это было время суток?

– Днем. До наступления вечера.

– Ночь ранит?

– Она... делает воспоминания слишком... слишком... – закончила я, не найдя слова.

– Я поняла. Значит, все эти пять дней ты пыталась рисовать? Сразу после нашей встречи?

– Начала на следующий день на рассвете.

– Хорошо. Я рада, что ты со мной откровенна и честна. И я благодарна тебе за это. Во время рисования, что ощущало твое тело?

– Как это?

– Мысли, – она указала на свой висок двумя пальцами, – с ними мы разобрались. А тело? Что оно испытывало?

– Было липким и... чесалось. Словно... – я стала нервно качать ногами под кофтой направо и налево, сжимать колени пальцами и смотреть то в окно, то на стены.

– Все в порядке, помнишь? Здесь ты в безопасности, – сказала она, и я кивнула. – Сосредоточься. Можешь отдохнуть. Походить.

– Нет. Просто... минуту, – я замолчала и опустила голову, делая глубокие вдохи, чтобы успокоиться. – Оно было грязным, – проговорила я наконец, не пошевелившись. – Грязным и только. Болело... – не выдержав, я разрыдалась.

Следующие полчаса мы говорили и говорили. О рисунке, ощущениях и эмоциях, таких как злость и страх. Она называла это «проработкой эмоций». Я бы сказала – пытка.

Но я доверяла Елизавете Андреевне. И проживала каждую секунду в ее профессиональных руках, боясь, что без них и вовсе погибну.

– Василиса, у нас осталось полчаса до окончания встречи.

Я киваю, изрядно вымотанная.

Прошел месяц. Мои раны на теле зажили. Но это не значит, что я могу подойти и посмотреть на себя в зеркало. Если честно, я делаю это очень редко. Мне неважно, как я выгляжу. Точнее, мое лицо.

Главным для меня является кофта и штаны. Плотное белье, чтобы ни в коем случае не было видно мои формы. От одной мысли об этом я чувствую тошноту. Впрочем, это тоже становится чем-то нормальным за последние несколько дней, когда я пыталась сделать задание психолога и просыпалась с рассветом.

– Я хочу попробовать одну вещь, и если я увижу в этом прорыв, то мы посвятим этому в следующий раз весь сеанс.

– Ладно, – безразлично двигаю плечом, отвернувшись к окну.

Елизавета Андреевна встает. Куда-то уходит, возможно, взять книгу или еще чего, я не смотрю. Мне это неинтересно. Но когда она возвращается, то я обнаруживаю перед собой листок и ручку.

– Снова рисовать?

– Нет. Ты напишешь письмо.

– Что?

– Письмо на время.

Не понимая ничего, я не задаю вопросы. Я просто жду, когда она продолжит.

– Твои эмоции очень яркие. И я чувствую все, что ты мне говоришь, даже когда молчишь или плачешь. Но есть то, что не покажешь вот так, сидя перед кем-то. Нам нужно вытащить глубинные чувства наружу, Василиса.

– И что я должна делать?

Она с мягкой улыбкой, к которой я все еще не могу привыкнуть, пододвигает листок ближе ко мне и садится прямее.

– Ты напишешь письмо на время. Я засеку десять минут. И как только время начнет отсчет, ты начнешь писать каждое предложение с «Я...». Самые первые мысли. Все, что придет в голову. Самое важное, пойми – не нужно ничего менять, зачеркивать, раздумывать дольше одной секунды. Если ничего не идет на ум, то просто пиши через точку «Я.» и продолжай до тех пор, пока не появится очередная мысль.

Взяв ручку, я повертела ее в руке и с сомнением посмотрела на психолога.

– Все, что взбредет в голову?

– Все. Подойдет что угодно, честно. Важны первые мысли. Они будут нести максимальную значимость, чем то, что ты начнешь обдумывать и пытаться корректировать.

Мы снова столкнулись взглядом, и ее глаза словно стали глубже. Каждый раз, когда она смотрела на меня так, у меня было ощущение, что она касается руками моей мертвой души.

– Пиши все. Даже самое сокровенное, самое неважное или очень личное. Неправду или правду. Просто пиши и не останавливайся. Не думай о том, что там написано. И ты можешь со мной этим не делиться.

– Нет?

– Нет, Василиса. Здесь не место суждениям, оставим их на потом. Здесь важен момент выхода эмоций. Позволь им вырваться наружу.

Неуверенно кивнув, я склонилась над столом.

– А если устанет рука?

– Продолжай писать, – улыбнулась она понимающе и посмотрела на часы на своей руке. – Скажи, когда будешь готова.

Снова посмотрев на листок, я поняла, что белый цвет расплывается, увеличивается. А внутри все, наоборот, сжималось.

Что я буду писать? О чем?

Я и правда не понимала задания.

«Я...» – представила мысленно продолжение, но в голове внезапно все стало пусто. Руки затряслись, и в глазах защипало от слез.

Это должно быть просто.

Должно...

Сделав вдох, я кивнула самой себе, затем сказала: «Я готова».

– Хорошо. Давай начнем. Через три секунды.

«Раз», – произнесла мысленно и сжала ручку. «Два». «Три».

– Приступай, – прозвучало над головой и... моя рука дернулась.

Неуверенно я вывела первую букву «Я...» и продолжила, но уже быстро.

«Я не знаю. Я не. Я. Я. Я. Я грязная. Я грязная. Я грязная. Я. Я. Я. Я грязь. Я ничтожество. Я плохая. Я плохая. Я мерзкая. Я виновная. Я недостойная. Я нечистая. Я плохая. Я плохая. Я дрянь. Я. Я. Я. Я. Я жалкая. Я мерзкая. Я грязь. Я плохая...».

Мои глаза размывало от слез. Я сбилась со строчки и писала где попало, полосуюя белый лист, марая его своей ущербностью и пропитывая болью.

«...Я устала. Я одинокая. Я устала. Я устала. Я устала. Я больше не хочу».

– Все. Все, Василиса. Ты справилась, – донесся до меня голос психолога.

К этому моменту я скатилась на пол и сидела у столика, обнажая свою боль.

Она забрала ручку из моей руки и, как всегда, осталась сидеть напротив, чтобы позволить осушить себя.

Взяв предложенные салфетки, я стала вытирать слезы, стыдливо пряча нос, откуда тоже капало. Но я осталась на полу, когда закончила, и снова подтянула ноги к груди.

Снова поднялась тошнота от этих переживаний. И все же я осталась на месте.

– Как ты себя чувствуешь?

Я привыкла говорить ей все, что бы там ни было внутри. Она знала это с моих слов. В этот раз я тоже говорила откровенно.

– Сломленной.

– Почему? С чем это связано?

– Так сильно давит в груди, что сложно дышать. Руки и ноги ватные. Будто не могу пошевелиться.

– А чувства?

– Растерянность. Потому что там много всего.

– Что ярче?

– Усталость.

Я посмотрела на листок и кивнула на него.

– Можете посмотреть. Я не против.

Она согласно кивнула в ответ и подтянула его к себе.

Пробежалась по строчкам бегло и опустила.

– Ты хочешь поговорить об этом сейчас или...

Внезапно изнутри поднялся поток, и я вскочила на ноги.

– Плохо?

Я кивнула, и она схватила из плотного пластика урну и протянула мне.

Меня рвало долго. За это время Елизавета Андреевна успела сходить за медсестрой. Принесла полотенце.

– Все в порядке, это нормально. Из-за стресса может быть что угодно.

Я вытирала лицо, стоя у раковины, когда обе женщины стояли недалеко от меня.

– Тошнит впервые? Может, мне попросить врача пересмотреть препараты и назначить что-то от этого?

– Третий день, – ответила я сдавленно, ощущая себя еще более грязной. Но внезапно заметила острый взгляд психолога.

– Третий? – спросила она странным тоном, который я у нее никогда не слышала.

– Да. Чаще всего ранним утром, так как я встаю на рассвете и без будильни... – я оборвала саму себя и остолбенела.

Воздух вырвался из меня со свистом, а глаза заволокло пеленой плотного тумана.

– О... боже... А-а-а... – закричала я, забившись в угол спиной. – Нет! Нет!

– Василиса, – ко мне подошла Елизавета Андреевна. – Успокойся, слышишь? Это может быть...

– Вытащите из меня это. Нет! А-а-а... Уберите. Я не хочу!

В небольшую ванную, где мы находились, ворвалась врач – Тамара Георгиевна с той же медсестрой.

– Я не хочу! Не хочу! – продолжила я умоляюще кричать, только бы они вынули из меня это. Только бы очистили от этой грязи.

Только бы...

Мой мир стал вращаться и медленно тускнеть.

Я сосредоточилась на обеспокоенных глазах моего психолога и продолжила умолять губами.

«Пожалуйста! Вытащите из меня это!»

Глава 9

Елисей

Я с силой захлопнул ноутбук, хотя на самом деле мне хотелось его разбить.

Как только информация о нашем с Василисой разводе слух просочилась в прессу, интернет взорвался.

Почитатели моды быстро объединили два события в одно: уход жены с радаров и развод. Что они еще могли предположить?

Господи, сегодня утром на мою машину вылили ведро краски, когда я подъезжал к офису. Это были женщины, борющиеся за права женщин и против насилия в семье.

В этом меня и обвинили. Для всех, исходя из сплетен интернета, я – дерьмовый муж-тиран, который нанес увечья Василисе. Из-за этого она на лечении (были и те, кто предположил, что она в коме из-за травмы головы, которую я нанес ей в порыве гнева), а я в это время планирую всё у нее отобрать.

Я даже не пытался кого-то переубедить. Об этом попросил и своего адвоката. Я не стану отбиваться от нападок, слухи – это просто слухи. Вся правда в том, что прошел месяц с момента, как я видел свою жену.

Я бы хотел иметь возможность попросить прощения. Возможность попытаться всё исправить. Но у меня нет этой возможности.

Мне плевать, кто и что думает. Отец и вовсе отстранил меня от дел, так как я не способен заниматься бизнесом, и отправил в отпуск. Вот только я не нахожу себе места. Я обиваю пороги Насти – сестры Василисы, офиса ее отца и их дома.

Охрана на их территории чуть не избивала меня одним вечером, приняв за бездомного, когда я попытался пробраться на территорию их дома.

Да, произошло что-то страшное. Но я имел право знать. Имел право услышать от нее всё, что бы она ни хотела сказать: обвинить или... да что угодно. Я желал ее гнева, даже боли. Потому что я был здесь и никак не мог ей помочь. Но я хотел помочь. Даже если при этом она бы оставила меня за дверью. Я бы остался там.

Я так и не отдал ее вещи. Не покинул квартиру и не стану этого делать. Там она все еще была со мной. И я планировал затянуть развод насколько мог. После первого слушания, когда я отказался идти на разговор, адвокат дал понять, что они выполняют любые условия, что бы я ни потребовал. Я знал, что это для скоротечности процесса. Но все равно буду продолжать подаваться с ее семьей.

Детектив работал не покладая рук. Но он был в тупике. И начал поиски далеко за пределами города, округа, края. Мне было все равно на деньги, средства. Я хотел к своей жене. Хотел бороться вместе с ней со всем.

Господи, как же я сожалел обо всем, что случилось в тот вечер. За свою агрессию, слова и мысли о ее романе с тем ублюдком. Эти сожаления душили и не давали покоя. Но с ней творилось что-то страшней того, с чем боролся я. Чувство вины против...

Кто бы с ней что ни сделал, я был готов пойти на преступление. Вот только у меня и этот шанс отняли. Молчанием они отняли у меня даже это.

В дверь квартиры кто-то постучал, и я вздрогнул. Мой сон сократился до минимума. И поэтому половину дня я проводил порой в беспамятстве. Терялся в мыслях.

Встав, я дошел до дверей и открыл.

– Возможно, мы кое-что сможем узнать, – сказал адвокат, входя внутрь и смотря на меня так, словно у меня две головы.

Но мне было наплевать, что он увидел на моем лице или во мне в целом.

Мама уже успела сказать, что я похудел, а мои волосы нуждаются в стрижке. Мне наплевать. Поэтому я сосредоточился на словах адвоката.

– Что? Что это значит?

– Бабушка вашей жены вернулась...

– Она была на лечении в Израиле, да. Она уехала незадолго до исчезновения Василисы. Мы ее отвозили в аэропорт.

– Все верно. Анна Павловна вернулась и тут же забронировала билет на самолет вместе с Мариной Робертовной.

– Господи, ну наконец-то, – я встряхнул руками, почувствовав адреналин в крови. – Куда? Куда они летят? Я сейчас же забронирую себе место.

– Они летят в Карелию.

– В Карелию?

– Да. Насколько я знаю, там много лечебных санаториев и прочего.

– Да. Точно. Они посещали с Василисой это... – я щёлкнул пальцами, вспоминая название. – Клинику «Кивач» или что-то такое. Господи, что, если она там?

Мое дыхание участилось, когда я пронесся мимо адвоката к ноутбуку. Все сходилось. Это было логично. А значит, я скоро увижу Василису.

– Всё может быть. Вы уверены, что хотите полететь? Нет гарантии что ваша жена именно там. Я забронировал билет и...

– Конечно, уверен. Даже если это один процент из ста, я буду там, чтобы в этом убедиться. И я ни за что не останусь здесь, – ответил я ему и нажал на оплату онлайн-билета.

Перелет был изнуряющим. Я чуть не сошел с ума, пока наконец не оказался на земле.

Второй раз я был на грани, когда заказанное такси везло нас в клинику.

– Полчаса – и мы будем на месте. Вы должны успокоиться, – просит детектив, а я хочу его ударить за эту попытку.

Черта с два я успокоюсь. Я, возможно, в шаге от того, чтобы увидеть свою жену. Я далек от спокойствия как никогда. Поэтому, не ответив Ивану Виссарионовичу, отворачиваюсь и продолжаю постукивать пальцами по коленке. Мне проще было думать о шансе найти Василису прямо сейчас. Каков этот шанс? Один к пяти? Сотне? Миллиону? Дадут ли нам эту информацию вообще? Или мне придется стоять на дороге и высматривать всех входящих и выходящих пациентов клиники? Я готов. И я буду, если придется.

Это одна из лучших лечебниц и клиник для женщин и сохранения их молодости, а также для стариков и детей. Я это знал, потому что и моя жена, и ее мать, и бабушка Василисы любят здесь бывать. Тут даже клетки замораживают за немалые деньги. Однажды за ужином Марина Робертовна хвалилась этим, а я ни черта не понимал из ее слов и, более того, не понимал, зачем ей это нужно. Но наострил уши, когда она порекомендовала сделать подобное Василисе к тридцати годам.

Так каковы шансы, что я встречу жену, идя по длинным коридорам клиники? Или спрошу на ресепшене, в каком номере она остановилась, и получу ответ? Каков шанс, что мать и бабушка моей жены поехали сюда именно ради нее? Я взял с собой немало наличных, чтобы заплатить за эти ответы.

Подъехав к месту назначения, я поспешил выйти из машины.

От центрального входа к главному зданию вела широкая, выложенная бетонными коричневыми плитками дорога. Кругом в небо уходили высокие хвойные деревья. Здесь имелось свое особенное очарование. Но у меня ничего не ёкнуло в груди. Я шел вперед, пока не остановился перед ступенями главного здания, потому что меня позвал детектив.

– Елисей, я думаю, вам лучше прогуляться. Я сам войду и все разузнаю.

– У меня есть деньги...

– Не многие вопросы можно решить при помощи денег. Особенно если ты только что вошел в двери с охраной у ворот.

– Не теряйте время на пустую болтовню.

– Подышите воздухом, а я скоро вас найду.

Я был на взводе и знал, что он прав. У меня внутри все переворачивалось. Адреналин заставлял идти быстро и чуть ли не подпрыгивать, выискивая в посетителях мою любимую. Или хотя бы ее родных.

Прошло, должно быть, полчаса. А может, целый час, когда я заметил приближающуюся фигуру детектива. Рванув к нему, я не распознал его настроения.

– Ну что? Она здесь?

– Я знаю, что две женщины под фамилией Ефимовых зарегистрированы в одном номере «люкс» и заселились рано утром.

– А моя жена?

– Я забронировал нам два номера.

– Вы что? Какие к черту номера?

– На нас смотрят люди. Поговорим в менее людном месте? Скоро будут подавать обед.

– Проклятье, – я сдвинул переносицу и попытался успокоиться.

Я должен держать себя в руках.

Я должен.

Смирившись с планом, я развернулся и прошел за Иваном Виссарионовичем.

Расположившись в номере, путь к которому я даже не запомнил, я тут же вышел.

Наши номера с детективом находились рядом. Поэтому я встретился с ним, как только собрался постучать в дверь.

– Пообедаем?

– Ладно, – проворчал я и двинулся по коридору.

Еда была, наверное, вкусной. Но я не ощутил ничего. Лишь усиливающуюся головную боль. Съев первое блюдо, он наконец заговорил.

– Итак, план таков. Нам дали информацию, но больше ничего. Нам также запретили тревожить посетителей. Придется действовать аккуратно и тихо, Елисей.

– Как? Что мы будем делать? Вы видели этот комплекс? Тут же целый лабиринт.

– Видел всю карту клиники. Но я сомневаюсь, что ваша теща и ее мать будут в отделе оздоровления детей или бассейнах. Они скорее выберут что-то уединенное и косметологическое в первую очередь.

– Верно.

Он самодовольно кивнул.

– Я уже составил план, и нам следует ему придерживаться, чтобы нас не попросили покинуть это место. Поэтому придется тоже ходить на процедуры. Это ведь не курорт.

– Я не... господи, – прикрыв глаза, я выругался. – Чем быстрее мы их найдем, тем скорее уедем. С ответами или... я не знаю с чем.

Не знаю, чем было это везение. Подарком или просто случайностью. Но когда я спустился после обеда на массаж, в небольшом фойе с удобными фисташкового цвета диванами и мраморными полами я столкнулся с Мариной Робертовной.

Она прошла мимо меня в белоснежном халате, который заставили надеть и меня, даже не заметив моего присутствия. Дождавшись, когда она войдет в кабинет, я быстро скользнул внутрь и прикрыл дверь.

– Проработайте шейный отдел. Я чувствую скованность, – надменно сказала она и, прежде чем начала раздеваться, я заговорил.

– Где она?

Теща медленно развернулась, и уголок ее губ приподнялся.

– Надо же. Ефим был прав, ты настойчив.

Она подошла к кожаному дивану и указала на другой, стоящий возле него. Я подошел и сел, не пререкаясь. Сейчас было не время.

– Я хочу поговорить с женой. Я хочу ее увидеть. Даже если она просит о другом, я знаю, что должен это сделать. Клянусь...

– Если бы мой муж так же ездил за мной по стране в надежде увидеть или поговорить, я бы его, наверное, по-прежнему любила, Елисей, – взяв короткую паузу, она взяла стакан воды и сделала глоток. – Так значит, ты проследил за мной?

– За вами. Я знаю, что ваша мать здесь.

Марина Робертовна ухмыльнулась, что показалось странным.

– Ах, вот оно что. Каковы твои предположения?

Она деловито сложила на груди руки и улыбнулась холодной и пустой улыбкой.

– Я не хочу предполагать, но попробую. Анна Павловна, должно быть, с ней. Просто скажите, в каком они номере.

– Скажу тебе кое-что другое. Василиса больше не твоя. И твое упорство ничего не изменит. Она не оценит.

– Ладно, – я выдохнул. – Что произошло в ту ночь?

Она отвела взгляд. Встала. И подошла к двери.

– Мне долго ждать свой массаж?

– Я хочу знать, чтобы сделать самому то, что должен. Помогите мне. Клянусь, он заплатит.

В комнату вошла женщина и, заметив меня, потупила взгляд.

– Ты хочешь присутствовать?

Вскочив с дивана, я подошел к теще, и она встретила мой злой взгляд, снова ухмыляясь.

– Возвращайся домой. Подпиши документы и найди новую жену.

– Сначала я поговорю с вашей матерью.

– Хорошо. Наш номер «505».

Что-то в ее насмешливом тоне было странным. Но я выскочил и отправился к себе. Там же я наткнулся на Ивана.

– Я говорил с тещей. Они в «505» номере. Нужно лишь...

– Это уловка.

– Плевать. Если я встречу бабушку Василисы, я смогу...

– Поездка – уловка. Ее здесь нет.

– Номер забронировали, и они обе были здесь сегодня. Но Анна Павловна уехала сразу после «заселения».

Я закрыл глаза и выругался.

Господи, как же я сейчас злился, не передать словами.

– Но она... что, если Василиса где-то здесь?

– Нет. Она была в аэропорту. Другую информацию уже не добыть. Ефимов постарался заранее.

Уезжая, я был снова в тупике. Словно оказался вначале. Но я отказывался сдаваться.

– Продолжаем, – сказал я детективу, сидя в машине по пути в аэропорт. – Они ошибутся. Рано или поздно.

– Как скажете, Елисей.

Глава 10

Василиса

Голос.

Далекий и одновременно очень близко звучащий. Родной и самый необходимый.

Я слышала этот голос. И слышу сейчас. И как же... как же я тосковала по этому голосу. Лежа неизвестно где, не имея шанса пошевелиться, я ощущаю, как стекают слезы из уголков глаз, утопая в волосах.

– Вы позвали нас для подтверждения действий. Моя внучка так же ясно дала понять, что она хочет избавиться от этого плода, тогда сделайте это.

Они говорят шепотом. И говорят обо мне. Но я хочу, чтобы они замолчали.

Потому что это значит, она знает, какая я грязная.

А я не хотела, чтобы знала.

Я не хотела.

– Но у нас в клинике подобные операции не проводятся. Понимаете?

– Это вы должны понять, что я очень мягкий и добрый человек. Я не стану говорить с вами в стиле своей дочери. Но ради моей девочки, – на мою голову легла ее теплая рука, – которая сейчас лежит на кровати, я с вас шкуру сдеру, если услышу снова ваши оправдания. Мы платим вам больше, чем остальные вместе взятые клиенты. Это должно открывать множество дверей. Подготовьте документы, я их подпишу на правах опекуна. Остальное вы обещали сделать аккуратно и правильно, чтобы не навредить.

– Вы не понимаете, Анна Павловна, ваша внучка беременна впервые, это может иметь необратимые последствия.

– Мы не будем начинать этот разговор повторно. Она сказала свое слово, я подтвердила и подпишу документы. Действуйте.

Дальше следовала тишина и тихий щелчок двери. Затем... чуть хрипловатый всхлип и еще больше тепла, мягких поглаживаний по голове, плечам и щеке.

– Солнышко мое, как же так, – заговорила бабуля.

Она повторяла эти слова и другие, обещая, что все будет хорошо. А потом я снова уснула, даже не зная, верю ли я в это.

Солнце безжалостно ударило хоть и в закрытые веки, но все равно сделало больно.

Приподняв тяжелую руку, я попыталась прикрыть лицо и поморщилась от тяжести во всем теле. В мозг тут же поступил тревожный сигнал, и паника обрушилась как ведро ледяной воды. Словно я все еще была там. На холодном бетоне и очнулась после первого удара.

Горло сдавило, а в груди все взорвалось. Я ждала, что он заговорит. Посмеется и скажет, что его «добыча» наконец очнулась. Я даже ощутила, как ветер обволакивает обнаженное тело.

Но ничего не происходило.

– А вот и моя девочка проснулась, – донесся до меня голос бабушки, вырывая из кошмара, и я посмотрела на нее, распахнув глаза, за веками которых был водопад слез. Хотя я думала, что это сон и тот разговор был придуман мной в бреду, я ощутила радость, что ошиблась и она здесь. Со мной.

Разлепив слипшиеся губы, я не смогла заговорить, и она поднесла воду с трубочкой к моему рту.

– Тише, милая. Попей. Еще поговорим.

Сделав пару маленьких глотков, бабушка убрала стакан и посмотрела на меня с печальной улыбкой на ее морщинистом и одновременно самом красивом лице.

– Здравствуй.

Лишь одно это слово заставило расплакаться снова. И ничего не говоря вслух, рассказать, как мне было больно и больно до сих пор, даже когда физические раны зажили.

– Я знаю. Я знаю... знаю, девочка моя.

Она легла ко мне и стиснула в крепких объятиях. Держала, пока я не перестала так сильно всхлипывать, а после отодвинулась буквально на пару сантиметров, чтобы посмотреть на меня.

– Ты сильная.

– Это не так.

– Это так. Просто еще не пришло время осознать свою силу.

– Тогда я не хочу быть сильной. Я хочу, чтобы этого никогда не было.

– Значит, придется быть сильной, чтобы это произошло.

Прильнув к ней еще ближе, я закрываю глаза. Хочу почувствовать, что я снова дома. И мне снова тринадцать. Сколько угодно.

– Я рада, что ты приехала, а не мама.

– У нее своя миссия и планы. Да и... я просто сказала, что еду к тебе и все.

Мы замолкаем, чтобы позволить говорить тишине, пока я не найду новые слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.